

Александр Малиновский

Хромоножка
и другие

0+

Александр Станиславович Малиновский

Хромоножка и другие:

повесть и рассказы для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68001440

SelfPub; 2022

Аннотация

Александр Малиновский известен российскому читателю как автор нескольких романов и повестей для взрослых. В последние годы он активно пишет и для детей. В этой книге представлена повесть «Хромоножка» и ряд коротких рассказов. В них автор ведёт разговор об окружающей нас природе. О неразрывной связи человека с «братьями нашими меньшими». О любви к природе, которая делает нас любознательными и добрыми.

Содержание

Хромоножка	6
Глава 1. Большак и Мура	6
Глава 2. Петькины провода	12
Глава 3. Одна	16
Глава 4. Петька Захарьев вернулся	21
Глава 5. При Большаке было спокойнее	26
Глава 6. Минька и Валька	29
Глава 7. «Ах, Люся, Люся!»	32
Глава 8. Тоска-кручина	40
Глава 9. Новая беда	43
Глава 10. Добытчица	48
Глава 11. В сарае	52
Глава 12. Долгожданная встреча	55
Одиннадцать и одна	58
Серая Сонька	66
Нечаянная радость	69
Черепаша и муравей	72
Как мы ловили раков	76
Ласточки и кот	82
Редкая птица – козодой	84
Голубь и вороны	86
Птичка на ниточке	91
«Сплю в оркестре»	93

Рыбачка Настя

95

Книги о любви к окружающему миру

98

Александр Малиновский
Хромоножка и
другие: повесть и
рассказы для детей

* * *

Хромоножка

Глава 1. Большак и Мура

У неё ещё только начали резаться зубки, а она уже была необычно подвижна и среди окружавших её котят выделялась своей резвостью.

Её сверстники котята, как и она, вначале были все голубоглазы. Но вскоре у окружавших её малышей цвет глаз поменялся. Она же, одна из всех, сохранив белый окрас и первоначальный цвет глаз, продолжала смотреть на мир голубыми глазами.

Её резвость и подвела её. Она играла вместе со всеми недалеко от большой поленницы нагретых весенним солнышком берёзовых дров.

Старая соседская кошка любила подолгу лежать на теплых дровах. Грелась на солнце. Она-то и столкнула ненароком сверху увесистое полено. Удар краем полена, когда малышка пробегала уж больно рядом от лежанки старой кошки, пришёлся по левой передней её ноге.

Андрей Большаков, возвращаясь из деповских мастерских домой после работы, обнаружил её ткнувшейся носом в поленницу.

Она молча плакала.

У неё оказался закрытый перелом ноги.

Большак принёс котёнка домой.

Из толстого картона неторопливый мастерской человек вырезал по форме ноги шину и, как мог осторожно, шевели своими большущими умелыми руками, с помощью бинта приладил её.

...Всё обошлось, кости ноги срослись. Но под неверным углом. Теперь она косолапила. Нога её стала похожа на маленькую хоккейную клюшку.

Время шло, и вскоре хромоногое энергичное существо превратилось в бодрую активную кошку.

Голубые глаза её без следов выделения в уголках, как бывает у некоторых, искрились. Не красавица. Но такая трогательная!

Хромота не мешала кошке забираться на деревья и ловко с них прыгать. Иногда безо всякой цели. Заражая азартом ребятишек, безудержно носилась она по двору, что было явным признаком её здоровья.

Все во дворе привыкли к ней такой. С лёгкой руки Петьки Захарьева звали её Хромоножкой. Один Андрей Большаков да его жена Анна называли её Мурой. Андрей сердился на Петра за эту его не то кличку, не то прозвище.

А кошке было всё равно. Что Мура, что Хромоножка...

Какая разница! Главное: её любили во дворе дома на улице Прибрежной. С Андрея Большакова, когда он бывал рядом, она не сводила своих круглых восхищённых глаз. Когда

она так на него смотрела, он будто попадал под гипноз...

Большак часто сажал её в большой карман своей брезентовой куртки (так повелось ещё с тех пор, когда она была с забинтованной ногой) и шагал на работу в свои шумные мастерские на железнодорожную станцию.

Большаковы жили в полуподвальной комнате с единственным продолговатым почти под потолком окошком. В это оконце мало попадало света. А в дневное время суток особенно надоедливо доносилось шарканье ног прохожих. Она давно уже к этому привыкла и не обращала внимания. Да и мало Мура бывала в доме. Ей нравились двор и улица!

Верность, преданность хозяину и независимость основательно сидели в ней с рождения.

Крепко сбитое её тело с широкой грудью, круглыми лапами, с пропорциональным длине хвостом так и мелькало то во дворе, то на затравевшей улице.

В бесчисленных поколениях её прародителей, скорее всего живших большей частью не в комнатных условиях, и уж наверняка безо всякой заботы хозяев о целенаправленной селекции, утерялись явные черты определённой кошачьей породы. Во всяком случае теперь, глядя на Муру, её нелегко было определить...

...Мура не печалилась и не думала о том, что когда-то у неё было всё нормально с ногой, а теперь она как бы инвалид. Она жила обычной жизнью. Нежного отношения её хромота к ней от окружающих не добавила, а насмешки на этот счёт

Мура не воспринимала. Она же не понимала человеческий язык. Интонация – дело другое...

...В бригаде Большака, как и во дворе, её знали все. Иногда упрекали, что долго не появляется у них.

К машинным запахам Большака, к пытящим огромным паровозам, к вагонам с их скрежетом и уханьем она привыкла так, как если бы родилась не в тихом небольшом дворе под крылечком дома с окнами, заставленными горшками с геранью, а под вагоном между шпал. И всё это из-за Большака. Такого уравновешенного, надёжного, всегда собранного и деловитого, как станция.

Эта железнодорожная станция и Большак для Муры одно целое.

И вдруг Большака не стало.

Всё так же шумели вагоны, урчали паровозы, когда она прибегала в мастерские, а Большака не было. Не стало многих из тех, кто с ним работал. Это случилось после того, как все вокруг стали говорить слово: война.

В тот горький день, когда Мура обнаружила отсутствие Большака, она метнулась знакомой дорогой на станцию, но поезд вильнул хвостом как раз в тот момент, когда она выскочила на перрон. Мура бросилась за поездом, однако он ускорил ход, и она поняла, что его ей не догнать. У поезда было много колёс. Больше, чем у неё ног. Когда остановилась, увидела, что окружающие люди смотрят на неё... Много людей...

...Ей не хотелось уходить со станции вместе со всеми провожающими. Когда перрон опустел, она побрела в переулок. Пошатываясь, пошла вдоль большой стены из осыпающегося красного кирпича. Эта стена отделяла сейчас её от станции. Тут Муре стало легче, но не надолго...

Она догадывалась, что с этого дня, без Большака, у неё начинается другая жизнь.

...Вытянувшись вдоль стены, она притихла. Перед глазами всё продолжали мелькать вагоны уходящего на непонятную войну поезда. В каком-то из них был Большак. Если бы знать заранее...

Одно к одному... Всего лишь неделя прошла после того как распорядительная Матвеевна, живущая над Большаковыми, забрала всех её пятерых котят и никто их во дворе больше с тех пор не видел.

Матвеевна говорила, что отвезла их сёстрам в деревню.

Но уж больно поспешно, котята были ещё слепые. Сосед Матвеевны по этажу Гордей Фомич видел её с шевелящимся мешком около канавы, пропахшей тухлой водой, но разговора об этом не затевал.

Обе женщины, и Анна, и Матвеевна не очень-то жаловали кошек.

Мало ли чего видел Фомич... Он давно научился помалкивать когда надо...

* * *

– Гляди-ка, кошка плачет. Надо же! – удивился прохожий и остановился.

– Это колченожка Большака нашего, – сказал низкорослый седой человек. И Мура признала в нём одного из тех, кто иногда возвращался с ними после работы домой.

– Не горюй, Мура. Хозяин скоро вернётся. Большак не может сгинуть. На таких свет держится. Да и война-то долго не будет длиться. Делов-то сколько на станции... Пойдём с нами домой, чего ж теперь?..

Она даже не пошевелилась, только начала выть...

И тут её подхватили чьи-то цепкие руки. Прижали к куртке со знакомым запахом мастерских.

Петька Захарьев – друг Большака, держа Муру на согнутой левой руке, понёс её домой.

Глава 2. Петькины проводы

Мура ещё несколько раз бегала в мастерскую, где работал Большак. Но там всё меньше и меньше становилось тех, кто трудился совсем недавно рядом с Большаком.

...Настало время, когда из старых знакомых в мастерских остался один Захарьев Пётр.

Она теперь часто бывала около него. Он для неё как бы частица Большака. Был Петька низкорослый, с подпрыгивающей лёгкой походкой. Он часто улыбался, даже когда шёл один.

– Мелюзга, какой от него на большой войне толк? – говорила дородная Матвеевна.

Но и его проводы приближались.

Алексей Большаков отбыл на фронт спокойно, по-деловому, будто в обычную командировку уехал.

С Петькой дело иначе.

Белозубо улыбаясь, он объявил Муре:

– Ну что, Хромоножка, тебя в армию не возьмут с твоей клюшкой! А я – вот он! Доброволец! Понятно тебе!? Не отпускали на станции, а я не могу иначе! Немчуря столько моей родни покрошила ещё в Первую, теперь опять? А мне в тылу?.. Через два дня прощаться будем!

Провожали Петра всем двором. С музыкой!

Жена его – Люська, повиснув на плече мужа, не давала ему играть на гармошке. Как пожилая баба, раскинув пухлые свои руки на Петькиной голубой рубашке, плакала навзрыд: – Петенька, Петенька! Не увижу я тебя больша таким.

Чует моё сердечко, на погибель уходишь...

А Петька, беззаботно вырываясь из ее рук, тряхнув русым чубчиком и весело ощерив туго набитый крепкими белыми зубами рот, рвал меха гармони и собственное горло:

*– Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Лишь ты б владела мной одна...*

Увидев весёлого Петра, Мура тоже было повеселела, но, заметив какие у всех грустные глаза, притихла.

– Петенька?.. Родненький, – только и успевала вставлять Люська одиночные слова в мужнину песню.

Мура отошла подальше от крыльца к калитке. Она не выносила ни громкую музыку, ни крики.

Матвеевна стояла рядом и молча крестилась. Старик Фомич, облокотясь о дверной косяк, шамкал неведомо кому:

– Вот так же и мы с брательником моим Петрухой уходили. Тожа молодые были и весёлые, ой да ну... Судьба своё каждому приготовит. Я вот живой до сей поры...

– Рази так мыслимо горланить на проводах-то! – говорила Матвеевна, не слыша Фомича. Всё перекрывал разгульный голос Захарьева:

*– Ты правишь в открытое море,
Где волны бушуют вдали...*

Мгновенно прекратив пение, гармонист выкрикнул задорно, обращаясь к Фомичу:

– Вынимай, дед, своего Георгия, хватит прятать крест!
Драй до блеска – и на грудь! Когда я привезу свой орден, что будешь делать?!

Низкорослый, на полголовы ниже своей жены Люси, вёрткий – он сейчас в центре двора был самый главный и самый заметный. С таким-то норовом!..

Люся отошла от него в сторонку. Стояла, прижавшись к забору. А он, усевшись на вынесенную кем-то табуретку, продолжал надирать гармонь...

Фомич подошёл к играющему. Положил руку на плечо.

Всего-то и сказал:

– Петруха, тебе пора.

И музыка прекратилась.

Пошли провожать Петра на станцию всем двором:

Люська, Матвеевна и её две приехавшие из села притихшие племянницы, жена Большака Анна со своими ребятами Валькой и Миней да кошка Мура. Вот и всё. Фомич не пошёл. Куда с его-то ногами?

Когда выходили за калитку, где на лавочке успела присесть Мура, Фомич протянул руку Петру с чем-то тускло блеснувшим.

– На вот!

На его ладони лежал крохотный крестик.

– Ваше благородие, я решил на фронте в комсомол вступить! Мне нельзя!

– Возьми, таратора эдакий. Какой я тебе благородие?..

Там разберёшься...

Пётр, невольно подчинившись, протянул руку.

– Больно ты порох. Запомни, на войне первым гибнет молодняк, потому как не в меру горячий. Брательник мой Петруха тоже зуйливый¹ был, – сказал так старик и отошёл в сторонку. Прямой и сумрачный.

¹ Зуйливый – здесь: вертлявый.

Глава 3. Одна

И осталась Мура опять одна. Она по-своему любила свой небольшой двор и его обитателей. Но разве можно его теперь сравнивать с тем, каким он был до отъезда на войну Большака и Петьки Захарьева? Во дворе никто так заразительно не смеялся, как это делал Петька. Она не любила шум, но без Петьки стало уж совсем тихо. Во дворе никто не носил такой рабочей куртки, какая была у Большака, с просторным карманом...

За то время, пока он её лечил и носил с перевязанной ногой в кармане этой своей брезентовой куртки на станцию, она так привыкла к этому, что, когда нога зажила, стала ходить с ним на шумную его станцию. И когда по дороге, жалея, он брал её в карман куртки, она была счастлива. Если ей уж больно надоедал шум в мастерской, она убегала домой. Но каждое утро вновь норовила своего хозяина проводить. А он иногда щадил её и уходил на работу тайком, без неё.

Скучно без Большака! И без Петьки скучно!

Из мужчин остался во дворе один Фомич. Но он молча подолгу курит, сидит на лавочке да кашляет. Это его курение совсем отвало её от широкой лавочки у калитки. Она не выносила запаха дыма.

Матвеевна куда-то всё надолго уезжает. То в деревню за Волгу, то в Сызрань.

Жёны Большака и Захарьева – Анна и Люся – стали тихими и неразговорчивыми. У обеих глаза на бледных лицах, как мерцающие угольки в затишке...

Теперь везде звучали новые слова: фронт, Германия, похоронка. И лица у людей стали другими: сосредоточенные, не улыбочивые. Она не знала, что значат эти новые слова, но чувствовала в них большую тревогу.

...Потянулись через станцию, где работали раньше Большак и Петька, вереницы составов с необычным до того грузом.

Мура бегала к поездам в надежде, что увидит по какой-то случайности Большака или Петьку. Но увы... Такого не случилось. Унылой она возвращалась домой, во двор мимо пропахшей у калитки куревом лавочки...

* * *

Мура стала часто видеть сны. И сегодня под утро ей приснился сон. Да такой хороший! Будто они всем двором встречают Большака с ненавистной войны. Лица у всех необычно весёлые. Много вокруг зелёного и голубого... В толпе встречающих она заметила высокого и худого учителя, живущего в соседнем дворе, Льва Петровича. Ему Захарьев, по своему разумению, дал имя «Рыхлый». Оно крепко прилипло к учителю.

Рыхлый несколько раз ходил в военкомат, но его не берут

на фронт. Зрение у него такое, что он и Муру-то вряд ли отчётливо видит...

Она проснулась на самом интересном и важном месте в её сне, когда поезд остановился...

От хорошего сна у неё поднялось настроение. Она вспомнила, что давно не занималась собой.

Ещё немного полежав на дощатом полу в сарайчике, она вскоре вышла во двор, освещённый ласковым солнцем бабьего лета.

Переживания последних недель так повлияли на Муру, что она, раньше очень внимательная к себе, совсем перестала следить за чистотой своего тела. Обычно она умывалась после еды. Сейчас же сразу после сна она уселась на широкую доску у сарайчика и с удовольствием вначале облизала рот, потом начала вылизывать все те места своего тела, до которых могла достать языком. Затем, увлажнив облизыванием лапку правой ноги, она принялась чистить там, куда не могла добраться языком. Усердно и забавно начала тереть лапкой голову, уши.

К ней вернулось забытое желание быть опрятной и красивой.

Когда она привела себя в порядок, ей захотелось общения. Можно было бы пойти к Вальке с Минькой. Муре нравилось играть с ними. Но они в последние дни всю игру с ней сводили к попытке наклеить ей узкие чёрные полосы поперёк туловища.

Им страх как хочется побыстрее посмотреть на кого она будет больше похожа полосатая: на зебру или на невиданного белого тигра.

Ей такие игры неприятны. Она вырывалась и убегала.

...Мура направилась к учителю Льву Петровичу. Посмотреть: как он там? Нет ли около него Большака или Петьки Захарьева? Всякое может быть!..

Когда она вошла в соседний двор, учитель в сиреневой майке брился около жестяного рукомоЙника, подвешенного на покосившийся столбик.

Хвост Муры был жёстко поднят вверх, спина слегка выгнута. Послышалось лёгкое мурлыканье. Так она приветствовала учителя. Затем она подошла и стала тереться о его ноги.

Близоруко глядя сверху вниз, учитель спрашивал участливо:

– Ну, что тебе, Мура? Проголодалась?

Он топтался перед осколком зеркала, разглядывая свою бритую щёку, и, неуклюже попятившись, наступил огромным своим жёлтым ботинком со стоптанным запятником Муре на левую переднюю лапу.

Страшная боль пронзила всю её ногу. Зарычав, она отскочила в сторону. Хвост у Муры опустился между задних лап, голубые глаза мгновенно округлились. Затем хвост ошетинился. Испуг, гнев, негодование испытала она в этот несчастный момент.

Откуда ей было знать, что такое случилось только лишь по неловкости Льва Петровича?

Больше Мура к учителю не ходила. Обида засела в ней крепко.

Глава 4. Петька Захарьев вернулся

Вернулся с войны Петька быстро. С одной медалью на гимнастёрке и без обеих ног выше колен. Как в воду глядел Фомич, говоря: «С таким-то характером...»

Теперь Петька не ходил, а передвигался на тележке, отгалкиваясь руками о землю. Для этого он зажимал в цепких кулаках деревянные колодки. Маленький такой. А теперь стал ещё меньше. Наполовину.

– Что, Мура, непривычно тебе видеть меня таким? Многим не в обычай, – говорил он, притулившись в тенёчке во дворе под старой рябиной. – Прости, Мура, не буду больше звать тебя Хромоножкой. Зарок даю. Это неправильно. Любил я давать прозвища, а теперь разлюбил. Но «Мура»... это, как если бы меня назвали Человеком?.. Немножко как-то не того...

Он разговаривал теперь с кошкой не насмешливо и свысока, как раньше, а по-другому. Она это чувствовала. И улыбка у него теперь была другая. И зубы не сверкали при разговоре.

– Я теперь не Захарьев, а Половинкин – так можно считать, – говорил он вроде и не ей, а кому-то, не глядя на неё. Переехала меня война пополам. Половина меня осталась. И здесь, – он махнул пятернёй по груди, задев медаль, – половина осталась... Всего на четвертушки разделало... У тебя все четыре при тебе. Преимущество передо мной. И ещё ка-

кое! Четырёхкратное!

Он начинал кашлять, и медаль на его груди трепетала, будто синица на ветке, за которой Мура сегодня утром наблюдала во дворе. Она видела, какие изменения произошли с ним и потихоньку начинала привыкать. Зато Петька – не учитель Лев Петрович со своими длинными ногами, на лапу не наступит. Нога у Муры продолжала болеть. Вот только дым от едких папирос ей был невыносим. Когда Петька закуривал, она вставала и уходила.

Он заметил эту её нелюбовь к дыму, и тонкие губы его pokrивились в лёгкой усмешке. Было похоже, что думал он сейчас не о кошке. Люся – жена его – тоже не любила, когда он курил.

Глядя перед собой когда-то дерзкими, а теперь потухшими глазами, Петька говорил:

– Была ты Хромоножкой, а теперь – Мура! А я кто? Кем стал? Без ног-то?

И, трогая маленькие колёсики у своей тележки, добавлял:

– Половинкин на тачанке! Да? Чапай!

Увидев, как строго и внимательно Мура на него смотрит, осёкся:

– Ты это... Я принял с утра немножко. Извините, мадам! Мы же свои люди...

Через улицу, в сторону от станции, около парикмахерской стояла деревянная сапожная будка. В ней окружённый запахами мыла, вара, дратвы, кожи, крепко пропитанной потом обуви, работал Захар Синицын. Петька звал его Стелькиным.

Петька и Мура часто бывали у Стелькина. Как когда-то Большака, она теперь провожала Захарьева. Только не на работу в мастерские, а к Стелькину. Захар не был таким разговорчивым, как Петька. И у него была одна нога. А вместо второй – тяжеленный деревянный протез. Этот протез он отстёгивал, когда сидя работал. Протез тогда стоял рядом в будке. Как бы отдыхал. Стелькин звал эту свою деревянную ногу ступой.

Пока они добирались до Стелькина, Петька разговаривал с Мурой:

– Ты бессловесная, тебе можно довериться, не проболтаешься. Любил я Люсю! Ну было дело: бил... Всего-то раза три. И за дело! ... Уехала в свою Муранку. Только чтоб меня не видеть, такого! Конечно, это её право. А я слабак! Сам не знаю, зачем такой домой приехал. Дружок безрукий ещё в госпитале предлагал к нему махнуть под Винницу. Я и хотел попервоначально у него сгинуть. Но без Волги как? Вырос на ней же! Всё своё...

Мура сидела в тележке около него и слушала.

А Петька спрашивал:

– Разве можно такого меня терпеть. Я сам себя не выношу.

Её право...

Замолчал, а потом почти выкрикнул:

– Люся, Люся! Судить не беруся!

И тихо так добавил:

– Но, если вдруг решуся...

Тут, словно отгоняя кого-то или чего-то от себя, помахал он правой рукой перед самым своим лицом и сказал, словно оправдывал за пьянку того, к кому они ехали сейчас:

– Это хорошо, что Стелькин есть! Он, как второй я, без слов понимает меня. Те, которые с ногами, они – другие. А ты? – он встряхивал свой светлый вихор на беспокойной головушке, – ты чего привязалась ко мне! Только что я тебя не бил, а так, хорошего-то ничего тебе не сделал...

Он или не догадывался, или не показывал виду, что понимает, почему Мура к нему привязалась. Он же был как бы частица Большака, из того времени! Ей с ним важно быть. Так верилось, что вот-вот около Половинкина появится Большак. И начнётся прежняя жизнь, довоенная...

Они оба так тосковали по той жизни, в которой у него была его Люся, а у неё – Большак...

...Уже когда они возвращались от Стелькина, он продолжил прерванный разговор:

– Почему мне с тобой легче? А потому, что ты добрая. Да,

добрая! Это немало!.. С человеком труднее... Вот Стелька? Он хоть и свой, но обозлённый... Я долго с ним не могу... Ему если автомат в руки... Но без него?.. И выпить не с кем. Ты же не пьёшь? И не куришь! Как с тобой?.. С такой интеллигенткой...

Глава 5. При Большаке было спокойнее

Она терпела эти его длинные разговоры, сидя в тележке впереди него. Запах водки, лука её раздражал больше, чем разговоры.

– Ты знаешь, что Стелька сказал про тебя? Не знаешь! Я, говорит, при ней стесняюсь глупости говорить, ругаться через раз стал... Смотрит в упор на меня синими своими брызгами... Сегодня, когда выпивали, предложил:

– Ты на свой тачанке, как на паровозе пыхтишь.

– Да уж, – соглашаюсь.

А он своё:

– Муркины голубые глаза – как фары! Она ими всех встречных просвечивает, когда с тобой едет. Ты научи её, советует, повороты указывать. Влево сворачиваешь – пусть левым глазом моргает, вправо – правым. Вот только как со стоп-сигналом?

– Тебе, Стелька, того, говорю, кто-то по колпаку крепко дал... и не лечишься...

Лыбится во все щёки и только-то.

Когда уже въезжали во двор, Захарьев посетовал:

– Мура, Мура, смотришь ты на мир своими голубыми глазами... и он у тебя – голубой, наверное, и ясный. Тебе можно позавидовать!

...Мура попробовала однажды остаться ночевать у Захарьева. Он не возражал.

Но что это была за ночь?! Несколько раз Петька во сне принимался кричать. Да так громко, что ей стало страшно. Она начинала метаться по комнате. Не знала, что делать?

Смалодушничала, и под утро вышмыгнула из комнаты.

Больше ни разу к нему ночевать не ходила.

Как всё же при Большаке было спокойнее. Он не ругался, не кричал.

Тогда она была хоть и хромая, но здоровая. А теперь, после того, как учитель наступил ей на ногу, её часто донимала боль.

Петька перестал, как говорила Матвеевна, рвать душу на гармошке во дворе, а спокойствия не прибавилось.

...Как всё поменялось?..

Сегодня, когда прибыли к будке, Стелька, разливая по стаканам денатурку, говорил Петьке:

– А ты знаешь, что Чапай не любил, даже боялся лошадей?

– Кто тебе сказал? – удивился Захарьев.

– Мой дядька Егор, он – чапаевец. – Говорит, у него автомобиль был. Не скакал он...

– А как же кино?

– Кино – это другое...

– Ты это к чему? Про мою тачанку? Так я тоже безлошадный. Мотор: одна моя половинкина сила, куда до лошадиной?..

– Говорю к тому, что вранья на свете больно много...

– Это точно, – согласился Петька. – Вот Мура! Она не соврёт. Если, к примеру, надоели мы ей своей болтовнёй, так она морщится. А то возьмёт и уйдёт. Я люблю таких.

И тут Стелькин сказал вроде бы ни с того ни с сего:

– Тебе, Петруха, пообвыкнуть надо. Не казись. Смирись. Зачем домой приехал? – жёстко произнёс Стелька. – Глотал бы теперь под Винницей хохляцкие галушки. Никого из своих рядом. Некому жалеть.

– Мне и тут есть чего глотать. И, кажется, уже наглотался, – глухо отозвался Захарьев. – Что там, что здесь... У меня то одна нога зачесется, то другая. Суну руку – ни одной на месте нет? Как привыкнуть?

– Знакомо, – буркнул Стелькин, – мне проще – вон, – он кивнул головой в сторону деревянного своего протеза, стоящего в углу, – когда у меня нога, которой нет, зачесется, я его поскребу, и все дела!

И дурашливо скосил глаза на своего собеседника, подтолкнул:

– Разливай, пехота.

– Мне бы твою ступу, – только и сказал Захарьев.

Стелькин провозгласил натужено тост:

– За нас! И мы чего-то стоим! Два чирка – тот же селезень!

Петька угрюмо молчал. Сегодня больше говорил Захар: – Хорошо, что мы оба – два вместе. Одиному не чиликается.

Петька продолжал молчать.

Глава 6. Минька и Валька

Мура редко заходила к Стелькину в будку. Старалась сидеть около двери, рядом с тележкой Петьки. Небезопасно в будке у Стелькина. Руки у него большие, а валится из них то молоток, то колодка, когда приятели начинают пить и разговаривать...

Сегодня, не дождавшись конца их разговоров, она убежала домой. А тут своё.

Чтобы забыть про голод, двойняшки Минька и Валька, уставившись в узкое окошко под потолком, считают на тротуаре ноги прохожих.

Оконце короткое, и надо успеть понять: женские ноги или мужские, пока они не прошагали. Миня считает женские, Валька – мужские.

Не обращая внимания на вошедшую кошку, прервав счёт, Минька спрашивает:

– Мам, а почему дяденькиных ног всегда меньше, чем тётенькиных?

– Почему? – произносит Анна глухо. – Потому что война идёт. Большинство тама, на фронте, мужики-то.

– Как хорошо будет, когда больше станет дяденькиных ног, представляете? – говорит Валька. – Значит, война закончилась!

– Нет, – убеждённо возражает Минька, – ног должно быть

как раз поровну.

– Почему? – недоумевает Валька.

– А как же потом людям жениться, если не ровно?.. – удивляется Минька.

И тут же спрашивает, рассматривая шевелящиеся пальцы на своей ноге:

– Мам, а вот Петрухины ноги?.. Он тут, а они теперь где?

– Кто где? – не поняла сразу Анна. Ноги?

Подняла тяжёлую голову с подушки и, слегка качнув ею, уронила вновь:

– Миня, ну что ты городишь, где?

Минька принялся внимательно смотреть в окошко, задрал голову к потолку, но шарканье ног затихло. И у него возник другой вопрос:

– Мам, а если немецкая бомба долетит до нас и долбанёт в наш дом, что будет?

– Как же она долетит? Да ещё чтоб попала? – терпеливо отзывается Анна.

– А вот до моста в Сызрани долетели немецкие самолёты с бомбами.

– Теперь этого не допустят.

– Кто?

– Кто? Наш папа, такие, как Петя Захарьев, другие. Они для чего на фронте-то?

– Петруха уже не на фронте. Он вон какой теперь... инвалид войны, – встревает в разговор Валька.

И далее размышляет вслух:

– Если бомба в наш дом попадёт, достанется тётке Матвеевне и Фомичу. Они выше нас живут... Жалко их! А мы в подвале. Не достанет. Может, им к нам надо?..

– Теперь наш папа и за себя, и за Петруху сражается, – рассуждает Минька.

– За всех за нас. Давайте помолчим. Мне отдохнуть бы надо, – молвила Анна.

– Только, мам, форточку закрыть бы, – просит Валька.

– Это зачем? Душно будет.

– Вчера Фомич рассказывал, что страшнее бомбы на войне: газы. Вдруг сюда дойдут? К нам в окно. А мы спим!.. Отравиться можно...

– Валь, ну ты прямо невесть что... Хватит! И этот Фомич городит ребятишкам такое?.. – сердится Анна. Но всё же разрешает:

– Возьми швабру и со стула закрой!

Мура наблюдает за выражением лиц говорящих. Не понимая, о чём они толкуют, видит только спокойствие... И слышит негромкий разговор. И ни о чём сейчас не волнуется.

Ей кажется в доме Большака всё прочным и надёжным.

«Бомбы», «газы»? Эти слова она слышит впервые. Что это? И зачем они людям?.. Раньше жили без них...

Глава 7. «Ах, Люся, Люся!»

Вчера Мура оказалась свидетельницей странной картины. И страшной. Всё с утра было хорошо. Она сидела на плече Петьки с широко раскрытыми глазами. Когда они подъехали уже почти к парикмахерской, из калитки дома справа сначала выглянула только, а потом крадучись пошла за ними Люся – жена Захарьева.

Захарьев не видел свою жену, она была за его спиной, а Мура, по привычке наблюдая за окружающими, всё хорошо просматривала.

Они ехали к Стелькину, а Люся выходит, хоронясь то за столбом, то в подворотне, двигаясь перебежками, наблюдала за ними. Лицо у неё было необычно белое и худое, а причёска всё такая же пышная.

Сколько бы ещё длилось такое их совместное продвижение, неизвестно, только около парикмахерской близко проскочившая от тротуара полуторка обдала из огромной лужи седоков тележки грязной водой.

Пётр резко дёрнулся в сторону и вылетел из тележки коротким обрубком на асфальт. Мелькнул, сорвавшись с истлевшей тесёмки нательный крестик. И тут же пропал в мусоре у стены. Мура узнала в нём тот, который дал Петьке при проводах Фомич.

Тележка опрокинулась и, ткнувшись в кирпичную стену

дома, остановилась.

Полуторка уехала, а Захарьев стал счищать грязь, не обращая внимания на спешащих прохожих. Сначала со своей, когда-то голубого цвета полинялой рубашки, потом с Муры.

В какой-то момент, когда Петька беспомощно валялся на тротуаре, Мура видела, как Люся, закрыв обеими руками искажённое гримасой лицо, метнулась в сторону с тротуара. Куда она потом подевалась, Мура не заметила.

Очевидно и Захарьев увидел свою жену. Иначе, отчего он перед тем, как начать счищать грязь, такой непривычно молчаливый сидел возле опрокинутой тележки, напряжённо уставившись взглядом в затоптанный торопливыми ногами прохожих серый асфальт...

Весь оставшийся отрезок пути до Стелькина Мура высматривала, искала глазами Люсю, но та, как юркая мышь, будто нырнула в какую щель...

...Вечером, приехав пьяным домой, Петька вывалился из своей тачанки и долго лежал около порога, пока его с трудом не затащил в дом Фомич.

Утром из открытого Петькиного окна сначала доносилось бессвязное бормотание, а позже заиграла гармонь. И по двору загулял Петькин дребезжащий тенорок:

– Ах, Люся, Люся!

Я с судьбою разберуся.

Только знай: не застрелюся!

Передумал я вчера...

Колобродил Петька весь день. К Стелькину не поехал, но к вечеру где-то напился изрядно.

Заносила его в дом на этот раз уже Матвеевна, а он всё утверждал, еле владея непослушным языком:

– Только знай: не застрелюся!

Передумал я вчера...

Через пару дней бдительная Матвеевна, которую за глаза Петька звал Сорокоушей, сходила скрытно куда надо. Пришёл участковый и от греха подальше забрал ружьё, висевшее за дверью в прихожке. Забрал на вполне законном основании: билет охотничий был просрочен давным-давно, ещё до войны. Членские взносы, понятно, не уплачены.

Захарьев равнодушно отнёсся к действиям милиционера. Будто это его и не касалось. Молчал больше. Сидел в своей комнате как чужой.

Когда же участковый ушёл, пропел отстранённо, но внятно:

– Ах, Люся, Люся!

Я с судьбою разберуся:

Придёт время, прокачуся

Я с крутого бережка...

И добавил, набычившись и никого, кажется, не видя:

– Вот такой новый вариант моей песенки...

– Петруха, ну будет тебе. Погломонил и хватит! – уговаривала его стоявшая у порога Матвеевна. – Совсем уж забутьльничал.

– Вот именно, – скривив вялую улыбку, зло согласился Захарьев, – погломонил и хватит!

И тут же, будто его током стукнуло, выкрикнул:

– Окончен городской романс!..

Ни Матвеевна, ни остальные обитатели двора не уловили прямого смысла «второго варианта» его песенки. Не настожились...

Лишь Мура, сидя напротив него, смотрела в упор на Петруку, округлив глаза, и жалобно мяукала... Чего-то боялась... Может, предчувствовала неладное...

– Вот пара подобралась... – Дуэтом тоску нагоняют... Ни к чему это, – продолжала по-своему переживать Матвеевна.

* * *

– Хочешь, я поеду в Муранку и набью морду этому её... – Стелькин выложил на столик свои внушительные кулаки, оттеснив в сторонку со стоптанными каблуками чёрные женские туфли. Одна из них упала на пол, он не стал её поднимать. Продолжал:

– Это я могу. В разведротe служил.

Он замолчал. И, дёрнувшись, выдал:

– Послушай, я ж не одного языка взял, нескольких! Давай я его за жабры и... сюда! В будку тебе доставлю! Как языка! Пусть доложит, как и что у них там!

– Захар, ты чумовой!

– Я знаю, ну и что?

– Люся у сестры живёт.

– А этот! Кто он?

– Бывший жених её. Я Люсю в день свадьбы у него увёл...

Физиономия у Стелькина приняла крепко деформированный вид. Правой рукой он не сразу нашарил на полу упавшую обувку. Нашёл и, приблизив к самому лицу, долго рассматривал каблук. Пристроив осторожненько её на краю столика, сказал с расстановкой:

– Ну, Петруха, ты даёшь!.. Тебя бы в нашу роту...

– Раньше давал, – глухо отозвался Захарьев, – теперь только получаю, по полной...

– А он... женился потом? – спросил Стелькин.

– Нет, не женился.

– А почему не на фронте? – допытывался Захар.

– Он мастер-кожевенник. Для фронта овчины, всякое другое выделяет в промкомбинате. Где-то то ли в Утёвке, то ли в Покровке. В Муранку редко приезжает... Неплохой парень. Теперь понимаю: виноват я перед ним. Перед обоими.

– Такой, значица, маркизет, – подытожил Стелькин, дёрнув треугольничек потника из-под туфли на столе. Обувка полетела на пол.

Лицо Захарьева посерело, голос осип. Попросил, казалось, не к месту:

– Захар, возьми меня со своим брательником на моторке по Волге прокатиться. Стосковался я по волжскому ветру. Как раньше, а?.. Заклёкнута я так... Хотя бы до Серёдыша и обратно. Напоследок...

Стелькин не торопился с ответом.

В затянувшейся тишине видно было, как в сознании Петра вершится одному ему ведомая и неведомая работа. Потускневшее было лицо его осветилось отблеском этой происходящей в нём то ли борьбы, то ли работы.

Посмотрев вначале на Захара, потом на Муру, необычно для него мягким и как бы отстранённым, издали взглядом, произнёс:

– Перед всеми готов покаяться, кому сделал плохо... И кому не успел сделать доброе... Не хочу, чтобы меня злым запомнили...

Мура слушала, сидя рядом. Она не знала, что такое плохо и что хорошо. Она жила такой, какая есть.

– Кому ты с добротой своей нужен? – хохотнул Стелькин. – Каждый сам по себе, какой родился! Не обращай, Мура, на него внимания. А то пропадёшь с таким...

И взглянув в очередной раз мутными глазами сверху вниз из будки на Захарьева, спросил:

– А зачем ты в колонну на демонстрации полез?

– Ну как? Праздник! – едко усмехнулся Пётр.

– И что?

– Хотел со своими деповскими вместе быть... Вообще... со всеми!..

– Вот они тебя и вышвырнули, свои-то! Не смотришься ты с твоей тележкой на празднике...

– Да не свои, другие... Начальство...

– Какая разница?

– Тебя бы тоже так, как меня, выперли. Нет, что ли?

– А вот и нет. Во-первых, я не полезу в праздничную колонну. А во-вторых, если стали бы хватать, уложил бы парочку-тройку на асфальт. Опыт фронтовой есть!

Захарьев в ответ только молча мотал головой и яростно жмурил сухие глаза. Потом вроде бы самому себе Пётр сказал сквозь зубы:

– Выходит, Фомичу можно, а нам нет...

– А что Фомич? С его осанкой!.. Не чета нам...

– Он беляк недобитый. Бывший казачий есаул!

– Что? – у Стелькина белёные брови аж ошетинились.

Пётр сдержанно пояснил:

– У него недавно сердечный приступ был. Он думал, что не выживет, ну и открылся Матвеевне. А та – мне. И никому больше.

Стелькин явно был в замешательстве:

– Вот, контра! Колом ты в землю! То-то я смотрю: молчун. Забился в щель...

* * *

После этого дня Пётр Захарьев стал неудержимо спиваться. Всё чаще он теперь ездил на своей тачанке к Стелькину, и без Муры...

Потом стал сутками где-то пропадать. Гармошку свою продал и пропил...

Два раза Фомич, пошатываясь от своей немощи, привозил Петра, приладив бечёвку к тележке, домой со станции, где тот христорадничал...

Глава 8. Тоска-кручина

Петра Захарьева не стало осенью, в середине ноября. За Смирновыми, где отвесный каменистый берег, укрепив для надёжности пудовую гирию в тележке и привязав себя верёвкой, махнул он её в Волгу-матушку. Свершил всё обстоятельно.

Обнаружили его только на второй день рыбачившие недалеко ребяташки.

Положили Петра в гроб обычной длины. Как если бы покойник был с ногами. Не стали экономить на досках. Никого почти со двора Муры на похоронах не было. Матвеевна в это время была в деревне у сестры. Старик Гордей Фомич из-за больных ног и сердца не мог уж спуститься вниз. Он быстро, на глазах сдавал. Большаков – на фронте. Мура видела, как появились во дворе непривычные посетители. Три человека с мастерских, она их сразу узнала, а четвёртый – деловой такой в кителе и с орденом на груди. Они обо всём и позаботились. И лёгонький гроб они несли. Под морозящим дождиком... Анна Большакова да Миня с Валей – шли за гробом до самого кладбища. На своей ступе похоронный маршрут нетрезвый Стелькин осилил только до парикмахерской, дальше по грунтовой дороге с ухабами и лужами продвигаться не решился.

Переживания последних дней изнурили Муру. Она стала быстро терять вес и чаще, чем обычно, пить. Редко умывалась и стала нервной. Белая её шерсть сильно потускнела и стала включенной. Мура чувствовала, что в ней поселилась какая-то серьёзная болезнь. Но кошке было не до нее...

Она и на мышей охотиться стала без азарта, вяло. По необходимости.

Дома её давно не кормили. Нечего было давать.

Как тяжело без того, кого любишь!..

На Муру опять нашла тоска.

С фронта приходили поезда с ранеными. Недалеко от железнодорожной станции разместили госпиталь. Мура бегала на станцию к поездам. И ждала. Сама не знала, во что верила...

Она приходила вечером со станции сильно уставшая.

Садилась на лавочку, на которой совсем ещё недавно наигрывал на гармошке Петька, и печалилась.

Фомич сверху в окно видел её скорбный вид и не выдерживал, говорил веско:

– Так уж, до смерти, не горюй, слышь... Совсем загнуться можно... И не торопи! Кончится война, и придёт твой Большак. Порода Большаковых крепкая. Я и батюшку его знавал, и деда. Расею нельзя победить! У нас ведь в руках такая ог-

лобля, что Гитлеру не одобровать. Вот только хорошенько развернуться надо!.. Было уже такое...

* * *

...Один раз после станции она побрела к Стелькину.

Там обычная картина. Только вместо Петьки теперь был около будки хмурый с косматыми бровями незнакомый высокий дядька...

Встретившись взглядом с Мурой, хозяин мастерской поспешил:

– Не суди нас строго. Каждому – своё. Чем же тебя угостить? Вот половинка огурца. Ах, да: он тебе ни к чему... А, вот!

Порывшись в кармане брюк, он достал конфету.

– На тебе подушечку, – и протянул серую, запылившуюся конфетку, – зря, что ли, приколтыхала!

Мура разжевала конфету и проглотила.

– Как, дорогуша? Жизнь стала слаще? – неожиданно зычным голосом спросил человек с косматыми бровями.

Если бы Мура умела говорить, что бы она сказала? Сладкий вкус ей был неведом...

...Нет, тоскливо ей и в сапожной мастерской. Хоть и угощают там конфетами...

Глава 9. Новая беда

Мура продолжала метаться.

А тут вскоре сильно заболела жена Большака, тихая Анна. Она постоянно прихварывала, в этот раз совсем слегла. Если вставала, то еле ходила. Работать никак нельзя.

Огородишка какого-никакого нет. Где брать еду?..

Настали дни, когда кроме хлеба на карточки, ничего не давали. И то не каждый день был хлеб.

Приехавшая из деревни Матвеевна принесла кусок тыквы. Но её ещё вчера вечером Миня с Валькой доели вместе с кожурой.

* * *

Когда Муру Большак принёс к себе в дом со сломанной ногой, двойняшкам Мине и Вальке было по четыре года. Она росла вместе с ними, и теперь воспринимала шестилетних ребят и их мать, как своих соплеменников.

...Сегодня, возвращаясь от Стелькина, она свернула к знакомому складу около магазина. Задержалась Мура там недолго. Вышла и вместе с добычей направилась домой.

Она поскребла здоровой лапой в дверь, и ей открыли. С сияющим видом она переступила порог. В зубах у неё была придушенная мышь. Мура шагнула от порога вглубь комна-

ты и положила добычу на пол перед хозяйкой. Анна лежала на кровати ничком. Шагнув в сторону, кошка стала в упор смотреть на хозяйку. Анна повернула к ней лицо:

– Ах, Мура, Мура, какая ты! – Анна не находила слов. – Заботница! Но, голубушка наша сердечная, мы, люди, мышей не едим. Вот ведь как...

Мура слушала и не понимала, почему мышь остаётся нетронутой. Хозяйка не ест и детям не даёт?

Люди иногда бывают такими странными, трудно понять, отчего?..

– Мам, у меня голова кружится, так есть охота, – сказал Миня, набирая в кружку воды.

– Я уже две выпил, а всё равно... Только бурчит, – крутнул шишкастой головой Валька.

– Сходите в Дарьин переулок, там у старого колодца крапива растёт. Нарвите, как восейко² у нашего забора. Суп сварим.

– С мышью? – удивился Миня.

– Там две картошки ещё есть. Сегодня утром в чулане нашла. За тазик укатились...

* * *

...Через Волгу по мосту продолжали гроыхать поезда с

² Восейко – недавно, на днях.

ранеными, эвакуированными с Запада. На фронт шли составы с горючим, военной техникой...

В посёлке развернули ещё один госпиталь. Мура туда бегала и смотрела во все глаза. Каких только раненых она не видела. Безногих, безруких, всяко перевязанных. И как Стелькин были: без одной ноги, и как Петька – без обеих... Видела, как один, похожий на Большака, с перевязанной головой давал прикурить совсем молоденькому без обеих рук. И тот, безрукий, разговаривая, улыбался!?. Мура долго смотрела на его болтающиеся перевязанные култышки рук...

Матвеевна говорила Анне:

– Наша Мура-то повадилась, смотрю, в госпиталь бегать. Большака, что ли, всё ищет меж увечных. Совсем после Петрухи извелась.

Анна еле слушала её. А когда соседка ушла, ахнула. Как оборвалось что-то внутри:

– Уж не Андрей ли там? А я лежу... Может, он такой, как Половинкин, без ног! Либо без рук?.. И возвращаться не хочет... Кошки-то всегда раньше людей неладное чувуют... Если б не так, она бы на станцию бегала, не в госпиталь...

Утром, когда Миня и Валя ещё спали, а Матвеевны не было видно, она с трудом поднялась с постели. Позвала Муру, и они пошли в госпиталь.

Необычным для Муры был этот поход.

Хозяйка её в чёрном платье с бескровным лицом часто

останавливалась и хватала воздух сухими губами, прислоняясь к забору. Когда кто-нибудь из прохожих подходил к ней, она вялой рукой молча протестовала, отказываясь от помощи.

Добирались они до госпиталя значительно дольше, чем это делала Мура одна.

Они уже были около ограды госпиталя, когда Анне снова стало плохо. Она опустилась на тёмную лавочку у шаткого штакетника.

– Вам плохо? – к ограде изнутри госпиталя приблизился молоденький солдатик на костылях.

– Если можете, помогите мне. В одном!

– В чём?

– Узнать бы... Нет ли среди вас Большакова Андрея. Моего мужа.

– А что? Есть сведения?

– Нет, просто...

– Понятно, – только и сказал солдатик. Спрашивать больше ничего не стал.

Солдатик вернулся скоро.

– Не числится. Значит, здоровый. Воюет ваш муж! Похоронки не было?

Анна отрицательно покачала головой.

– Вот и слава богу, – обрадовался, улыбаясь, солдатик.

Они пошли потихоньку домой, а солдатик, став задумчивым, долго всё смотрел им во след, нахохлившись, как подбитая

птица, на своих костылях.

– Паникёрши! Вот вы кто! – шумела Матвеевна, когда Анна и Мура вернулись домой. – Ты, Анюта, как маленький ребёнок, или как вот эта, – она кивнула в сторону сидевшей рядом Муры, – такая же ненормальная!

– Мне бы водицы, – вяло молвила Анна.

Подавая воду в битой эмалированной кружке, соседка спохватилась:

– Вчера Фомич принёс пинжак зимний. На, говорит, поменяй на харчи какие. Всё равно до холодов не доживу. Выменяла на сушёные рыбины. Щербу варю. Сейчас принесу. И ты, и ребяташки похлебают.

Колотилась Матвеевна как могла. Она сильно внешне изменилась. Дородность её пропала. Тёмные глаза на ставшем плоским лице стали непривычно большими.

...Крапивы в Дарьином переулке становилось всё меньше...

Глава 10. Добытчица

Через несколько дней случилось невероятное.

Мура принесла в зубах коляску копчёной колбасы. Она положила её около кровати Анны на пол. Вся комната наполнилась сказочным запахом.

С одного конца Мура, видимо не устояв перед соблазном, отгрызла кусок, а так – целёхонькая коляска!

– Мура, где это ты взяла? – первой заговорила Анна. – Нельзя!

– Где? Ясно, на складе, который на станции, – догадалась Матвеевна.

И тут же удивилась:

– Кто же сейчас такую ест?

– Это для фронта, – ужаснулась Анна, – копчёная...

– Верно ли? – усомнилась Матвеевна, – Что для фронта?

А может кто жучит для себя эту колбасу на складе, а Мура их раскулачила? Я бы тоже не удержалась, как Мура, взяла. Разрази меня громом!.. Раз голод не тётка, а родная мать! Ребята твои иссохли совсем. И ты! Такая стала: комар на себе унесёт! Надо пойти позвать ребят со двора.

– Всё равно виноваты будем мы. Чужое брать – добром не кончится, – не сдавалась Анна.

Мура не могла долго слушать хозяйку. Ей было страшно смотреть в её строгие глаза. Она отвернулась.

– Вишь: она обиделась на тебя, что ты её ругаешь. Гор-
дячка! И в то же время – заботница! Какова! – по-своему
рассуждала Матвеевна. – Ну прямо как у людей. Мне бы та-
ких деток, как у тебя, Анна! Да Бог, видишь, не дал... Не
ругать, а благодарить надо Муру. Дети, они ж не виноваты,
морить их...

– Нет, нет, – шевелила Анна непослушными губами. – По-
садят меня за колбасу эту. Что тогда с ребятами будет? Му-
ра, не смей!

Кошка не понимала, почему с ней так строго говорят.

Она же старалась. Если бы Большак видел. Неужели и он
бы ругал?

Мура вышла во двор.

А Матвеевна говорила Анне:

– Если что, возьму вину на себя! Да и кто кому скажет?

Фомич отмаялся. Никаких теперь забот. Жив бы был, не
осудил... такого повидал...

Соседка стояла у холодной стены под окном. С улицы до-
носился отдалённый невнятный гул. А она продолжала уте-
шать свою единственную собеседницу:

– Во всём дворе-то нашем остались ты да я, да мы с то-
бой... Кто знать будет? – спросила так и умолкла, спохватив-
шись. Проговорила еле внятно сама себе:

– Что же это я? А?.. «Кто знать будет?»

Она поискала глазами икону в комнате. Не найдя, отсту-
пила от стены и повернулась широким серым лицом к окош-

ку над головой. К свету, идущему издалека. Зашептала:

– Пресвятая Троица, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святой, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Матвеевна молилась. Анна её не слышала. Она теряла сознание...

* * *

Мура ещё несколько раз приносила колбасу, а потом перестала. Ящик с колбасой со склада исчез.

В тот день Мура ходила с виноватым видом.

И тут она вспомнила, что во дворе, недалеко от парикмахерской, видела курицу с цыплятами. Туда она и направилась.

Охота ей удалась легко. Едва она выглянула из-за большого железного корыта с зелёной водой, как перед глазами замаячили жёлтые комочки цыплят.

...Мура сделала ошибку, стоившую ей многого. С цыплёнком в зубах она пошла вдоль верандочки. И тут хозяйка цыплят увидела её.

Дебелая женщина в длинном засаленном халате схватила в чулане давно скучавшую в паутиновом углу увесистую скалку и метнулась во двор:

– Чумичка такая! Н-на тебе!..

Первый удар Мура получила по голове и отскочила в сто-

рону. Уши её прижаты к голове, кончики их загнуты вверх.

Второй удар настиг её около дыры в сарай. Он был намного сильнее и пришёлся по спине кошке. Она успела по инерции попасть через дыру в сарай и потеряла сознание.

Глава 11. В сарае

Когда Мура очнулась, её поразило полное отсутствие света в сарае. В такой темноте она ничего не видела. Мура с трудом начала вспоминать, что же случилось с ней.

Темнота беспокоила её.

...Но вот ворота дёрнулись, потом приоткрылись, и в сарае образовался сумрак. Слышно было, как за воротами во дворе зашаркали чьи-то спешащие ноги. Потом что-то тяжёлое уронили на землю. Кто-то громко вскрикнул. Она теперь видела в полумраке вокруг себя какие-то большие ящики, железные бочки... Ворота разом распахнулись, и в помещение хлынул поток света. Расширившиеся в сумраке зрачки Муры при ярком свете резко сузились, превратившись в вертикальные щёлочки.

Двое рабочих вошли и стали выталкивать пустые бочки во двор... Бочки гремели на бетонном полу. Криво выкатываясь, задевали за громоздкие ящики. Мура задёргала ушами. Чтобы не оказаться раздавленной грохочущими громадинами, она с трудом поползла в угол сарая. Но вскоре, обессиленная, затихла.

Ворота закрыли, и стало снова темно.

В другой раз она бы на холоде свернулась плотным клубком, сохраняя собственное тепло. Но задние ноги её не слушались. Она лежала вытянувшись во всю длину.

Мура чувствовала, что сильно замёрзла и надо было из сарая как-то выбираться.

Сначала она почуяла, а потом в тусклом свете, пробивавшемся в углу через узкую щель, различила потный хомут с грубыми гужевыми ремнями. Голод заставил её попробовать грызть ремни, но они были слишком жёсткими. Лежавший рядом ремень из сыромятной кожи оказался более податливым. Она стала его усердно мусолить.

Пытаясь таким образом хоть как-то утолить голод, она вначале было обо всём забыла, но прошли считанные минуты, и у нее возникло сильное волнение. Это не было теперь беспокойством за себя. Боязнь быть раздавленной прошла.

Неведомая сила толкала её домой. Мура должна была быть дома! Она остро чувствовала эту необходимость...

Кошка сделала усилие, пытаясь подняться, и не смогла.

Боли не было, но задние ноги ей не подчинялись. Они волочились по земле, будто чужие.

Мура знала, что так бывает. Видела однажды, как злой лохматый Цыган с соседнего двора схватил в пасть соседскую кошку сверху за спину. Прохожие закричали на него, он выпустил кошку из своей мерзкой пасти и убежал. А кошка осталась лежать на тротуаре. Она не могла двигать задними ногами.

«Но тогда был Цыган с его клыками, а у меня другое...

Пройдёт!»

Так думала она, пытаясь сдвинуться с места с помощью

правой передней ноги. Левая пришла ей в помощь. Если б она была ещё и нормальной.

Глава 12. Долгожданная встреча

...Мура выползла из сарая, когда уже стемнело. Ей надо было пересечь сначала двор, а потом и улицу. Она решилась... Пока лежала в сарае, она сильно ослабла. У неё начались чихание и кашель. Мура не помнила, были ли рядом с ней другие кошки, но, похоже, что она заразилась. Общая слабость дополнилась клейкими выделениями из носа. Слизистые ткани её глаз припухли. Глаза слезились. Ей трудно было дышать. Лежать бы спокойно и недвижимо с её параличом ног, а она задумала такое...

* * *

Старшина Андрей Большаков прибыл домой накануне вечером. Сопровождая груз, проездом вырвался к своим.

– Я так хотел увидеть Муру, – говорил он задумчиво.

Перед убытием Большак решил постричь обоим своим сыновей. Он уже проделал это и теперь присел с ножницами в руках в центре двора на освободившийся приземистый табурет.

Валька рядом вытряхивал волосы из-под ворота куртки. Миня примеривал отцовскую пилотку на свою наголо постриженную голову.

Вышла нетвёрдой походкой на крыльцо с кружкой воды

Анна. Удивилась тихо: «Ноябрь, а светло и ведро как!» И осеклась.

Все сразу увидели Муру. Она вползала в открытую калитку.

Ни признака страдания, ни тени испуга не было в её облике. Просветлённый взгляд Муры устремлён на Большака.

Их взгляды встретились. И он невольно замер, всё такой же большой и спокойный. Только на сухощавом, сильно обветренном лице появились жёсткие чёрные усы.

Никто не шелохнулся. Двигалась одна Мура. Она подползла к сидящему Большаку и ткнулась носом в огромные его пыльные сапоги.

Будто очнувшись, Большак ладонью слегка погладил Муру по голове:

– Кто же тебя так, а? Я возьму тебя с собой.

– Куда? На фронт! Андрей, разве можно? – мерцая ожившими глазами в дверном проёме выдохнула Анна.

– Во второй роте кутёнок прибился. А у нас будет Мура. Я вылечу её. На фронте некогда болеть! Все хвори отлетают.

Мура слушала родной голос и ей было отранно.

Последнее, что она почувствовала: это прикосновение рук Большака к её левой кривоватой ноге. Он не забыл её беды... Голос у него стал на войне глуховатым, а руки остались такими же, как раньше, большими и бережными.

Сильная боль внезапно пронзила её висок. Мура ткнулась ещё глубже между носками сапог Большака.

Он заметил это её движение. Сказал сдержанно, очевидно, полагая наговориться потом, в дальней совместной их дороге:

– Как же ты? Видать, натерпелась. Преданная до смерти!..

...Мура уже не слышала этих его слов. Тельце её, ставшее за последние дни больным и тщедушным, судорожно дёрнулось и затихло.

Жизнь Муры, незаметная и, как все другие на земле, неповторимая – истаяла...

* * *

До самого конца войны в доме на улице Прибрежной не было кошки. И только вернувшийся с фронта поседевший Большак привёз с собой подобранного где-то в дороге котёнка. Такого, как Мура. Белого и с голубыми глазами... Но это уже другая жизнь, другая история...

Одиннадцать и одна

Худая рыжая дворняга прибилась ко двору пастуха Володи Кузовкова ещё в начале лета. Её не гнали. Придёт – уйдёт...

Двор пастуха полон всякой мелкой живности. Да ещё скотина, да три собаки, как она, дворняги. Не заскучаешь.

С собаками она быстро подружилась. Добрый большой пёс Верный приноровился себе в удовольствие вылавливать у неё блох. Так и толкался около неё.

С хозяином двора Володей у неё сложились свои отношения. Еду она от него принимала, а гладить не давалась. Отойдёт, хромая, в сторонку. Ляжет на землю и глядит пристально снизу вверх на него умными глазами. Будто что сказать хочет, да не решается.

– Кто-то её, видно, сильно обидел, вот и не подпускает к себе, – говорил хозяин про собаку, словно извиняясь за неё, – ничего, обмякнет у нас...

Он стал называть её Найдой.

Пытался посмотреть её правую заднюю хромую ногу, а собака не далась. «Ладно, и это на потом оставим, – покладисто согласился пастух. – Не было б только какого заражения».

А тут Найда пропала. И надолго. Обнаружил пастух её случайно в дупле огромной осиновой раскоряжины, когда пас коров в луговине. И не одну, а с одиннадцатью рыжими,

как она, щенками. Получалось, что ушла она со двора туда, где потише. Обдумала заранее.

«Вольному воля, – только и сказал он ей в первый день, – кожь тебе здесь удобнее. В этом дупле и от дождя, и от чужих глаз – в самый раз укрыться».

Он стал приносить ей еду.

Когда коровы, сбившись в самую жару в кучку под огромными дубами на вытоптанной площадке отдыхали, он подходил к дружному семейству Найды. Проверял, всё ли нормально. Говорил, то ли осуждая, то ли одобряя: «Самостоятельная ты, Найда, однако. И рисковая».

Всё бы ничего, да на единственной дороге в эту луговину какие-то городские сноровистые ребята закопали мешавший проезду земляной ров. И повалил народ сюда на машинах. Палатки и тут, и там. Шашлыки, дым коромыслом. И над всем этим неумолкаемая весь день громкая музыка.

«Ещё бы, место теперь самое то: справа Волга, слева огромная протока – находка для тех, кому делать нечего, – говорил Кузовков. – Надо что-то делать с дорогой».

Утром под дубом с большой сухой вершиной он наткнулся на убитую цаплю. Найда видела, как пастух закапывал останки большой серой птицы под скрипучей лесиной.

...Она стала сама не своя. Пастух успокаивал её:

– Скоро похолодает и столько народу здесь не будет.

Глупая, зачем убежала со двора?

Она слушала его и понимала разговор по-своему. В один

день, вернее вечер, в сумерках, переселилась со щенками к нему во двор.

Конечно, во дворе потише. Но тоже хватает всякого.

И на глазах у всех. Она попробовала решить эту проблему. Между банькой и кучей дров нашла узкий проход и там, в дровах, устроилась со своим выводком.

Пришло время, когда подросшие щенки начали разгуливать по двору. Весь двор от них рыжий.

Вместе со всей скотиной хозяина, собаками его, получался целый зоопарк. Хозяину порой уж и самому не протиснуться куда надо. Иногда кутята высыпали со двора на улицу на зелёную траву-мураву. Рыжее на зелёном – это здорово! Прохожие, особенно ребяташки, не могли пройти мимо не остановившись. Начинали с ними играть.

Нюра – жена пастуха Володи – не выдержала:

– Убери ты эту свору, надоело!

– Куда ж я её дену? – слабо возражал Кузовков.

– Куда? На Кудыкину гору! В мешок да в Пашкину рытвину. Ликвидируй! Все-то как делают? Им клички даже не дашь! Все одинаковые. Не различишь, – зачем-то добавила она.

Хозяин молча чесал затылок. Найда была недалеко.

В упор глядя на хозяйку, слушала разговор.

– Угораздило же тебя: одиннадцать! – только и сказал в её сторону хозяин.

И пошёл в дом.

...А тут вечером на большой машине привезли во двор душистое луговое сено. Стали на возу развязывать верёвки. Бастрок – большущая осиновая жердина, упал сверху на землю и комлем угодил прямо на самого маленького, шустро-го, вездесущего щенка. Тот даже не взвизгнул перед нелепой смертью. Зарычала его мать. А потом из поленницы до самого утра слышалось её жалобное подвывание.

– Всё, Дима, раз отец не может, – сказала громко утром хозяйка Нюра взрослому улыбочивому сыну, – отнеси ты их в рытвину! Мешок возьми в погребнице! Хватит душу рвать всем.

– Мам, а может всё-таки погодим?

– Чего годить? Я с вами со всеми замоталась, а тут ещё целая псарня! Ни у кого из шабров такого нет! То на одного наступишь, то на другого...

– Ну, мам!

– Отнеси! И всё тут! – она перешла на визг, – Жалельщики нашлись! Оба – два! Тоже мне!..

– Приду с работы вечером и отнесу. Раз уж так, – понуро согласился Дмитрий. Улыбочивое лицо его погасло.

Найда была рядом. Смерть щенка и крик хозяйки не давали ей успокоиться. Она решила действовать.

* * *

Километрах в двух от посёлка, в котором жили Кузовко-

вы, дымила старая электростанция. А за ней, чуть подалее, виднелся построенный ещё во времена комсомольскихстроек, когда-то шумный, многолюдный, а теперь притихший город. Между станцией и городом, Найда ещё зимой обнаружила полузаброшенный ряд металлических гаражей. И под одним из них – большое тёмное пространство, в которое вёл узкий, но вполне пригодный лаз. Под гаражом тепло и безопасно. Это место было ещё тем притягательно, что совсем рядом с гаражом располагался канализационный люк, его чугунная крышка всегда была тёплой, даже зимой. Можно греться. Но уж больно не хотелось ей вновь приближаться к городу. Дело в том, что в этом городе она когда-то жила.

Всякое было в судьбе дворняги. Многое ушло из памяти.

Но этот кусок жизни она забыть не могла.

...Найда была тогда предана своему городскому хозяину. Любила его больше себя. Ей неважно было, богат ли он, беден ли? Есть ли у него друзья или нет? Любила его, каким он был. Она до сих пор помнила запах его тапочек, которые ему носила. Звали её в то время: Рыжая.

Однажды хозяин её надолго пропал. Не было его целую зиму. Она тосковала. Синие тапочки, которые Рыжая любила ему приносить, сиротливо лежали в углу в сених. Она часто подходила к ним, нюхала... В доме теперь жили только жена хозяина и их тихий немой двадцатилетний сын.

Когда разбогатевший вдруг хозяин приехал на большой красивой чёрной машине, начались поспешные сборы. Всё

из дома он куда-то вывез. Забрал жену с сыном и уехал. Появился хозяин на следующий день с незнакомыми людьми. Рыжая не понимала, что её ждёт впереди. Ей было тревожно.

Утром следующего дня они с хозяином поехали на Большое озеро. Хозяин был задумчив и не смотрел ей в глаза. Когда они пошли вдоль песчаного пологого берега, он подобрал знакомую палку и, как обычно это бывало, бросил её далеко в воду. Скомандовал, только не бодрым, как прежде, а серым голосом:

– Рыжая, неси!

Она с шумом, виляя хвостом от удовольствия и радости, что всё как прежде, бросилась в озеро. Едва Рыжая доплыла до палки, хозяин сел в машину и быстро уехал.

И всё! Кончилась её спокойная собачья жизнь. Новые жильцы гнали её со двора. Она уходила. Вновь возвращалась, надеясь увидеть хозяина. Потом двор опустел. И долго был без жильцов.

Наступил день, когда, зажатый между двумя большими коттеджами, деревянный дом сгорел. Так часто случалось в этом городе. После пожара появились незнакомые с непривычными лицами энергичные люди. Всё, что осталось от дома, они убрали. И на его месте стали расти краснокирпичные стены. Наполовину сгоревшую её будку сдвинули в дальний угол двора, как хлам. Тут уж она ушла сама. Не зная куда...

...Прошло не менее года прежде, чем Рыжая оказалась во дворе пастуха Кузовкова. Но и тут, так получалось, что она

была лишней...

* * *

...Она всё же перебралась со своими чадами с шумного двора Кузовковых на новое место, под гараж около станции. Пастух Владимир и его сын не видели этого. А хозяйка смотрела из окна на переселение Найды и вздыхала. И не было особой радости на её неподвижном лице.

На второй день после переселения рыжего семейства около гаражей появился бомжеватый большеголовый и седой Николай Зоткин. Так его назвал проходивший мимо один из редких гаражников. Зоткин совершал свой ежедневный обход. Выбирал в потрёпанный большой зелёный рюкзак всякую всячину, чаще всего пустые бутылки из мусорных ящиков, стоявших ближе к станции, где маячили грязные двухэтажные жёлтые жилые дома. Здесь в гараже у него когда-то стоял ржавый синий жигулёнок. Он был как маятник, Зоткин. Каждый день в просторной, видно, что с чужого плеча, кожаной потёртой куртке, равномерно мотался: туда-сюда. Приходил он со стороны города в одно и то же время, утром, когда солнце успевало подняться на треть высоты трубы тепловой станции.

Зоткин стал подкармливать новосёлов. В баках разное можно добыть. И Рыжая бегала к бакам, копалась там.

Когда щенята выбирались на свет из подполья, Зоткин,

глядя на них, гадал: «Антиресно, какими они вырастут? Могут получиться и не дворняги из них, а большие какие собаченции! Кто их отец-то? Вон какие у них несоразмерно большие лапы... и морды... Хорошо, если вырастут крупными! Выгоднее».

Ему нравилось за ними наблюдать: «Одна мать, все одного цвета, а разные? Всяк на свой манер!.. Один лижет руку, другой тьякает». У него было время на такие наблюдения. Жил он одиноко. Городская его квартира пустовала. Жена умерла, дети разъехались кто куда. Он только ночевал дома, а так болтался везде...

«Пушай резвятся до срока, – определил Зоткин, – время идёт – пушнина подрастает! Зимой пушу их всех на шапки. Бизнес сам в руки идёт! Сосед Михаил ондатру бьёт. За двести вёрст гоняет. Молодой! А тут вот он – питомник! Ажник десять штук! Да сама! В гараже всё и оформлю, пригодился». Глядел на Рыжую мутными глазами, зевал в удовольствии:

– Ишь ты, мать-героиня, заботливая!..

Он часто притворно ласковым голосом говорил что-то бессвязное и щенкам. Поглаживал их. А те кучковались около его ног, заглядывали в глаза. Виляли игриво хвостами... Рыжая в такие моменты смотрела на внушительную фигуру Зоткина, на своих подрастающих несмышлёнышей, и радовалась.

Она пока не чувствовала опасности...

Серая Сонька

В Чёрновке был завод верёвок, а Сонька этому заводу принадлежала. Лошадь старая была очень. Плохо уже видела.

Её и решили пустить на колбасу. Но наши поселковые упростили отдать её нам – молоко возить.

И возили. Собирали с окрестных деревень и доставляли на молокозавод. Этот завод был тут, на старых графских развалинах.

Сонька в посёлке у каждого во дворе жила поочередно. Всем принадлежала.

Когда у нас жила – у меня наступал праздник. Хлеба нарежу, солью посыплю – лошадушка моя и ходит за мной, как на верёвочке, ждёт, когда дам ей.

У моего папы Звезда Героя была, именнные часы за храбрость. Он был на войне наводчиком. Разворотило ему левое плечо снарядом, а он выжил. Комиссовали его.

Во время войны работал он на заводе в Самаре. То кузнецом, то трактористом. Ночью самолёты вывозит с завода, а днём кузнецом работает. Домой неделями не появлялся. Тогда так работали.

Выдохся. После войны стал трудиться, где верёвки делали. У нас в посёлке.

Как и Сонька, быстро начал слепнуть. У него с войны ещё контузия была. Обоим досталось в жизни. Сонька папу на-

шего больше, чем меня, любила. Так любила! Без хлеба с солью. Он ей и упряжь ремонтировал, и телегу лёгонькую такую приспособил.

В пятидесятые годы сахара у нас не было. Откуда ему взяться? Папа посылал меня за мёдом на пасеку к своему дядьке Винокурову. Мы ему с Сонькой молока, а он нам – мёду.

До пасеки больше семи километров дороги, чуть не половина – лесом. А я с Сонькой не боялась в лесу. Не знай – почему? С ней везде, как дома...

Потом, когда проезжали мимо молокозавода, Сонька всегда останавливалась. По привычке ждала, когда фляги порожние принесут. Такая обязательная.

...Школа у нас была километров за пять от посёлка. После занятий за нами чаще всех приезжал мой папа.

А один раз, февраль был, метелица! Занятия отменили. Нас отпустили. А я не стала ждать, когда за нами папаня приедет. Чего ждать целый день? Одна и умыкнула домой из школы.

Папа с Сонькой прибыли за нами, а меня нет. Домой, говорят, ушла. Вернулись они домой, а меня и там нет. Что делать? Поехали двое слепых искать одну неумную.

А я в метель сбилась с дороги. Пошла в степь, в сторону от посёлка...

Папа рассказывал: «...Уже совсем было надежду потерял. Не знай, что и делать? Голоса уж нет кричать... Сил самому

идти нету. И Сонька выдохлась, вижу...»

Долго они маялись в метель эту.

...А тут она, Сонька-то, свернула в сторону и, как могла, пошла полем. Чуть не по брюхо в снегу. Подошла к заснеженному бугорку и остановилась. Отец подходит, а это я сижу. Уже никакая.

Спасла меня Сонька!

Нечаянная радость

Сегодня, когда мы собрались за широким столом на кухне, Настя вспомнила:

– Деда, ты обещал рассказать нам про журавлей.

– Раз обещал, куда деваться, – отзывается Сергей Иванович.

И пока Вера Михайловна хлопочет у печи, он начал свой рассказ. У нас ушки на макушке.

– Мне было тогда, наверное, столько же лет, как Алёшке. Родители держали гусей, штук двадцать. Моя забота была пасти это неугомонное стадо. Вот однажды сторожу я их. Был уже, кажется, конец сентября. День серый, скучный. Я забрался на омет. Гуси – на поляне. Гусята уже совсем большие. Гусак ходит среди них важный такой, неприступный. Я звал его Спиридоном.

– Почему? – спросила Настя.

– Дядька такой жил тогда на нашей улице, важный больно.

Я всё пел от скуки, а потом не заметил, как задремал в соломе. И вдруг зашумели крыльями над головой большие птицы. Я приподнялся на омете – надо мной со стороны севера летели журавли. Они были так близко от меня, что я видел их умные глаза. Я не испугался, нет. Возрадовался сверх мочи. Радостное курлыканье заполнило всё вокруг. Птицы сели на поляну прямо к моим гусям. Я разволновался ещё

больше: что сейчас будет?! Наш гусак такой свирепый! Эдакая красота против его злобы не устоит... Но странно? Гуси мои присмирели. Гусак стоял как бы в оцепенении, не двигаясь. Гусята робко жались ко взрослым. Всем им будто стало стыдно за свои неуклюжие тела. Стыдно, что не умеют летать. Поляна подо мной наполнилась клёкотом и шелестом крыльев.

Красивые стройные птицы радостно пустились в хоровод. Журавли, взмахивая грациозно большущими крыльями, вышагивали по поляне на длинных тонких ногах. Особенно выделялась одна пара, одетая словно в костюмы из заморского шёлка. Так слаженно они вытанцовывали по кругу, словно сговорились! Танцуя, они подпрыгивали, будто состязались: кто выше? Что это было? Я не знаю! То ли им очень понравилась полянка. То ли они давали прощальный какой концерт. Или учили гусей?! Показывая, какими можно быть красивыми, если у тебя есть крылья и ты не зажилел.

Гуси мои продолжали растерянно и молча стоять в сторонке, словно посрамлённые. А я был в восторге. Вершину счастья – вот что я тогда испытал, глядя с омета на журавлей! Но такого мимолётного счастья, неизъяснимого словами... Ничего подобного в моей жизни потом не было. Всё будто во сне. Сердечко моё колотилось от восторга, как никогда! Танец длился недолго. Слаженно пробежав по поляне, журавушки взлетели.

Наверное, они сначала спутали направление, кружась в

танце, потому полетели на север. Затем сделали круг над поляной, будто прощались. И, вытянувшись клином, подались на юг. Щемящее «кру-у-у-ууу» несло сверху. Они тоже, как и я, расставаясь, грустили.

Потом в другие годы журавли пролетали над поляной с ометом несколько раз. Может, те самые... Но всегда высоко...

Черепаша и муравей

Черепашу принёс Андрей Иванович.

У неё был тёмно-оливковый панцирь с мелкими светло-жёлтыми пятнами. Нашёл он её у заросшего песчаного озера.

– Я ещё, когда был маленьким, – по-детски улыбаясь, говорил бывший лётчик, – находил двух черепах. Они там давно живут. И до сих пор не перевелись, удивительно!

Черепаша была важная и спокойная. Она совсем не боялась людей и, когда Настя сбегала и принесла капустный лист, черепаха начала его есть.

– А как она зиму переносит, она же любит жару? – думает вслух Алёшка.

– Это болотная черепаха, – поясняет брат Андрея Ивановича Сергей Иванович. – Она давно приспособилась жить в наших краях. Зиму она проводит под водой.

– А как дышит?

– С помощью специального мешка, или пузыря, который у неё в задней части тела. Это её лёгкие. Когда очень жарко или сильно холодно, черепахи впадают в оцепенение – спячку. Так они переживают плохую погоду. Она может несколько месяцев не есть, если нет пищи.

– А детки у черепахи бывают? – спросила притихшая Настенька.

– Я не видел, – ответил Сергей Иванович, – но мне рассказывали, что в мае она роет задними лапками на берегу ямку и откладывает яички. Их у неё бывает от пяти до десяти штук. А к осени из яичек вылупляются черепашки. Они вырывают себе в земле ходы и в них зимуют.

– Знаете, что я придумал? – сказал Денис, – давайте черепаху положим на раму с колёсами от сломанной машины. Она начнёт ногами отталкиваться от земли и быстро-быстро поедет. Вот ей радость будет – а то она от скуки такая зелёная. Ей скучно медленно двигаться.

Денис любит всё делать быстро. Он и на велосипеде гоняет быстрее всех, поэтому так и говорит.

– Ей скучно медленно жить, – продолжает он. Ему стало самому смешно, как сказал, и он весело засмеялся.

Около черепахи оказался коричневый большой муравей. Все сразу увидели его. Черепаха повернула вбок и накрыла муравья. Все замерли.

– Как танк, наша черепаха, она его раздавит, – проговорил Алёшка.

Но не успел он это сказать, как муравьишка выскочил с другой стороны черепахи и быстро помчался к траве.

Мы начали смеяться над муравьём, а Алёшка задумчиво проговорил:

– У нас на уроке в школе Ирина Владимировна читала нам стихотворение, я запомнил:

– Я наступил на муравья.
А вдруг у него семья?

Алёшкины слова расстроили Настю:

– У муравья детки и у черепахи могут быть детки, а мы её не пускаем к ним? Давайте её отнесём туда, где взяли.

Черепаха словно догадалась, что решается её судьба. Она остановилась, высунула ещё больше свою головку и стала смотреть на всех.

Денис молчал, поправляя руль своего красивого велосипеда. И непонятно было, как он относится к предложению Насти.

Я видел, что Алёшке не хочется отпускать черепаху: такая редкая находка. Но было и жалко её.

Вышла во двор бабушка Вера и поддержала Настю:

– Вам игрушки, а ей какво? Поиграете и бросите...

У нас во дворе и так всякой живности хватает.

Андрей Иванович посмотрел на всех и сказал:

– Тогда давайте голосовать.

Все подняли на него глаза.

– Кто за то, чтобы отпустить черепаху, поднимите руки!

Все подняли руки, кроме Алёшки. Он сидел на траве около черепахи, не двигаясь.

Настя посмотрела на него, как взрослая: сверху вниз, внимательно так... И ничего не сказала.

Алёшка под взглядом её синих больших глаз глубоко

вздохнул и медленно поднял руку.

В тот же вечер мы отнесли черепаху на её озеро.

Как мы ловили раков

Утром, когда все позавтракали, Сергей Иванович предложил пойти на озеро ловить раков. Мы согласились. А тут Денис с Ромкой пришли и тоже присоединились к нам.

– А как мы их будем ловить? – спросил Денис.

– Вот придём, тогда увидишь, – отвечал опытный Сергей Иванович.

– А ты ловил когда-нибудь раков? – спрашиваю я Алёшку.

– Нет, – отвечает.

– Ты сюда раньше не приезжал?

– Всего один раз, давно было. Дед Андрей летал на самолётах – некогда было, а папа почти всегда на работе. А если дома, то сидит около компьютера. Мы с мамой зовём его компьютерный ворон. Он эту, как её, диссертацию пишет.

– Всё с вами понятно, – покачал я головой.

Когда мы пришли к озеру Лопушному, Сергей Иванович срезал в тальнике четыре короткие, чуть больше метра, удочки и привязал к каждой леску – белую нитку от обыкновенной катушки, которую он взял у бабушки Веры.

– Натё вам всем по удочке, – сказал он.

Роме он удочку делать не стал. А тот и не собирался рыбачить. Он уже возился в мокром песке, сооружал башню-крепость.

Себе я сделал удочку сам.

Настя тоже взяла удочку и теперь стояла, наматывая нитку на палец.

– А где же крючки? – удивился Денис.

– А они нам не нужны, – поучал Сергей Иванович, – смотрите, что надо делать!

Он снял брюки и вошёл в воду. Чуть потоптавшись, нагнулся и достал сразу несколько ракушек. Ракушки были все в тине, но, когда он их ополоснул хорошенько в воде и протёр рукой, они засверкали на солнце красивыми узорами.

Затем Сергей Иванович большим ножом раскрыл ракушки и извлёк мясо. Ловко привязав мясо ракушки на конец лески каждой из удочек, он воткнул снасть прямо в воду в метре от берега.

– Всё, рыбалка началась! – весело объявил он.

– Началась? – удивился Алёшка, – так просто? А как же он попадётся, рак, если крючка нет?

– А зачем крючки?

Рак клешнями захватывает мясо. Как только увидишь, что нитка натянулась, тащи её потихоньку вверх, перебирая обеими руками. А увидишь в воде на ниточке сидящего рака с мясом в клешнях – хватай его снизу правой рукой. Он твой!

– Такая разве бывает рыбалка? – засомневался Денис. – Смотри, у тебя уже сидит, вынимай! – Давайте в первый раз хватайте вы, – попросил Денис, а я потом уж...

Сергей Иванович подошёл к удочке и стал потихоньку вы-

таскивать леску.

– Хоп! – сказал он весело и выбросил большого рака на берег.

Рак плюхнулся на спину в траву и захлопал тугим хвостом. Потом перевернулся и тихо пополз к воде.

– В ведро его! – скомандовал Сергей Иванович.

– А как? – спросил Денис.

– Возьми сзади, со стороны хвоста за панцирь пальцами – и все дела!..

Денис подкрался к раку сзади, но потом замер: рак будто догадался, что его схватят сейчас, он начал поднимать свои клешни попеременно вверх. Они у него были похожи на ножицы.

Денис оказался парень не промах. Один миг – и рак в его руке. Теперь он в воздухе продолжал шевелить клешнями, но было уже не так страшно.

Когда натянулась леска у Алёшки, он начал подкрадываться к удочке.

– Да иди спокойно, только не шуми и всё, – подсказывал Сергей Иванович.

– Сидит! – радостно зашептал Алёшка, – такой здоровенный!

– В воде они все большие, – отозвался Сергей Иванович.

– Эх, – удручённо произнёс Алёшка, – рак, как пуля: сорвался и задом в глубину. Я моргнуть не успел!

– И всё же проморгал рака, – засмеялся Денис.

– А ты-то совсем ещё не пробовал даже, – отозвался Алёшка.

Скоро лески натянулись на всех удочках. Надо было действовать.

Алёшка и Денис поймали каждый по раку, а Сергею Ивановичу повезло – на одну приманку вцепились два рака и оба оказались в ведре.

Настя попросила, чтобы на её удочку ловил я, что и было сделано.

Её удочка оказалась уловистой.

Когда ведро больше чем наполовину запомнилось раками, Алёшка предложил:

– А давайте их здесь и сварим!

Мы все согласились, похвалив Алёшку за предложение. Я пошёл искать рогульки для костра, Алёшка, Настя и дед Сергей – собирать дрова.

Когда уже развели костёр, Сергей Иванович начал смеяться. Он подошёл к ведру, в котором шуршали, словно переговариваясь раки, и поднял его в руке перед собой:

– Ребята, у нас же ведро полиэтиленовое, оно расплавится. Промахнулись мы малость. Не получится. Да и соли у нас нет. Алёшка, сбегай за ведром и солью!

Алёшке предложил свой вариант:

– А давайте пойдём домой, в огороде около колодца возьмём железное ведро и сварим раков, соли возьмём дома. В огороде хорошо будет, там скамеечки, – добавил он для убе-

дительности.

Мы снова согласились с Алёшкой и пошагали домой. Ведро с добычей нёс Алёшка. Настя ему помогала.

Раков в огороде мы сварили удачно, а вот дальше у нас было происшествие.

Не сразу, но потихоньку все научились есть раков. Даже Настя самостоятельно старалась очистить самый лакомый кусочек рака – хвостик, который почему-то называется шейкой.

Так всем было вкусно!

Когда все раки уже кончились и мы посматривали на зелёный старенький чайник, который не торопился закипать, Денис произнёс:

– Смотрите, что у меня на животе? Чешется так!

Он задрал на животе свою сиреневую майку и все увидели красноватые пятна на коже и сыпь.

– У тебя и на лбу пупырышки красные, как ветрянка, – удивилась Настя.

Когда уже разливали чай, у Дениса, кроме сыпи на животе и пятен появились три волдыря. И мы не на шутку забеспокоились.

– Ты по крапиве бегал? – спросил Сергей Иванович.

– Нет, кажется, не бегал, – ответил спокойно Денис.

– Тогда вот что, – сказал Сергей Иванович, – быстро идём к твоему деду, заберём его и сгоняем в районную детскую больницу. Мало ли что? Только бы мой дружок Николай с

машиной дома был.

– А деда его зачем забирать, у него же нет волдырей? – удивилась Настя.

Сергей Иванович и Денис ушли, а мы остались в огороде. Когда Сергей Иванович вернулся, он пояснил, что у Дениса оказалась аллергия на раков. Такая реакция организма. Денис никогда не ел раков, поэтому никто не знал, что ему нельзя.

Врач дал Денису таблетки, сейчас он сидит дома.

...Утром Денис пришёл к Чураевым. У него не было даже следов от вчерашнего происшествия. И выглядел Денис не пострадавшим, а даже наоборот, каким-то особенным.

Он важно заявил:

– Доктор сказал, что я держался молодцом и, когда вырасту, этой болезни у меня не будет. Надо расти скорее, вот и всё!

Ласточки и кот

В просторной сельнице, где хранится сено, живут ласточки. Там у них два гнезда. Гнёзда они сделали из глины под листами шифера на деревянной перекладине.

Ласточки залетают в сельницу через дверь, а когда она закрыта, то через небольшое отверстие вверху двери.

Вот около этого отверстия и повадился лежать чёрной соседский кот. Устроится на длинном выступающем конце перекладины и наблюдает за птицами.

И что у него на уме, нетрудно догадаться.

Когда отважная ласточка пролетает мимо него в отверстие, он взмахивает лапой, словно примеривается, как ловчее схватить птицу. Но пока не решается на это.

Ласточки, когда кот сидит рядом, беспокойно кричат, прежде чем залететь в сарай, словно жалуются и просят о помощи: «Люди, разве вы не видите, помогите нам!». Но всё равно залетают: там же у них дети.

Я предложил снять дверь, чтобы она не закрывала вход. Алёшка сказал, что надо сделать отверстие побольше, а дверь не трогать. Но лучше всех сообразила Настя:

– Давайте эту деревяшку, на которой сидит кот, отпилим и кот упадёт!

Мы так и сделали. Прогнали кота. Я взял ножовку, и хотя перекладина была из толстой сухой берёзы, быстро отпилил

выступающий её конец.

Кота мы больше около сельницы не видели, а ласточки спокойно стали летать к своим гнёздам.

И слышны были только крики маленьких птенцов в гнёздах, а взрослые ласточки жаловаться перестали.

Редкая птица – козодой

Коза Мариша обычно пасётся на обрыве у реки.

В сумерках мы с Настей и дедом Сергеем пошли за ней. Мариша паслась не одна. Там ещё были соседские козы и телята.

Вдруг из-под Мариши выпорхнула быстрая серая птичка, похожая на стрижа, и, перелетев в ту сторону, где были другие козы, пропала из глаз.

– Что за странная птица, – сказал я, – ни разу не видел.

– Это козодой, – ответил Сергей Иванович.

– Такое смешное название, – удивилась Настенька.

– Это потому, что раньше люди думали, что она доит коз.

– Как это, дедуль?

– Эта птица кормится всегда около животных, которые привлекают к себе разных насекомых. У козодоя широкий, как мешочек, рот – вот он им и хватает то бабочку, то жучка какого из-под животных – и не разберёшь в сумерках, что он делает. А он уничтожает большое количество вредных насекомых.

– Получается, что люди неправду про неё думают? – допытывалась Настя.

– Я ни разу не видел, чтобы козодой доил скотину. Скорее всего, птица этого не делает. Люди ошибочно так думают о ней. Так и живёт она – без вины виноватая.

– А кто же всем скажет, что она не виноватая, – загоревала
Настя.

– Трудно ответить, – признался Сергей Иванович, – ты вот
узнала.

– И я теперь знаю, – вырвалось у меня.

Голубь и вороны

Тяжёлая, сработанная из толстых широких досок входная дверь медленно приоткрылась и в избу скользнула Настенька. На порозовевших от мороза и возбуждения щеках – слёзы.

Голос её дрожит:

– Вы сидите тут, а на дереве голубь погибает. Его вороны собираются склевать.

Мы с Алёшкой быстро оделись и втроём поспешили во двор.

Как такое могло случиться, никто из нас не мог понять.

На самой длинной изогнутой ветке вниз головой висел голубь. Похоже было, что он одной ногой попал в обрывок сетки, занесённой ветром на дерево. Либо вырвался от ребятишек, которые держали его в неволе, и обрывок привязи, который остался на ноге, зацепился за сучок. Видно было, что голубь устал бороться за жизнь. Временами он отчаянно взмахивал крыльями и тогда каждый раз казалось, что птица вырвется из неволи. Но бесполезно. Вскоре он вновь повисал вниз головой, казалось, без признаков жизни.

Серые хитрые вороны рядком сидели на соседнем клёне и спокойно наблюдали за голубем. Они понимали: жертве от них никуда не деться. На дворе мороз, голубь долго не протянет.

Настя плакала. Я сходил в дом за ружьём.

– Ничего не получится, – проговорил подошедший Сергей Иванович, – ветку дробью не перешибёшь, а голубя можно погубить. Грех будет. И Алёшке залезть нельзя, ветка тонкая, обломится. Надо установить дежурство, чтобы вороны не набросились. Может, голубь сам освободится от плена.

Алёшка стал, размахивая руками, кричать на ворон.

Они спокойно продолжали сидеть рядком. Знали, что в безопасности.

Голубь в который уже раз опять судорожно замахал крыльями. Мы, затаив дыхание, следили за его неловкой попыткой. Всё бесполезно. Птица скоро истратила запас сил и затихла.

– Он замёрзнет и умрёт, – в отчаянии вскрикнула Настя.

– Пока борется за жизнь, машет крыльями – не замёрзнет, – как мог, успокоил Сергей Иванович. – Что-нибудь придумаем, только бы он не перестал двигаться. Мы должны ему помочь, эта птица особенная. Мне ещё мой дед говорил, что, у кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Этот голубь – наш. У него гнездо под коньком дома.

– Если он оторвётся и упадёт без сил на снег, то ушибётся, и его всё равно вороны заклюют! – глухо сказал Алёшка.

– Идите в дом, – обратился он ко мне и Насте, – сейчас мы покараулим с дедом, а потом вы нас смените.

– Нет, – запротестовала Настя, – я не мёрзну.

Так мы все и стояли. Никто не хотел уходить. Сергей Ива-

нович поднял ружьё, намереваясь выстрелить по воронам. Они все не спеша поднялись и уселись на дальнем дереве, недотягаемые для выстрела. Сидели всё так же рядком. Терпеливо наблюдали и ждали, когда мы уйдём и они займутся добычей.

– Серые каналы, – совсем не удивившись поведению ворон, сказал Сергей Иванович. – Умные. Мой одногодок Семён Коныч держал в доме ворону. Так она у него говорить, как человек, научилась. Калякала с ним.

– Как попугай? – спросила Настя.

– Попугай бездумно повторяет чужие слова. А она с понятием.

В следующий момент голубь вновь захлопал крыльями, да так сильно, что ветка вся заколыхалась. Показалось, что сейчас она отпустит птицу. Одна из ворон, самая крайняя, передвинулась, не взлетая, по ветке поближе, стала зорче, чем другие, смотреть на голубя. Ей не терпелось больше всех. У неё клюв, горло, голова, крылья, хвост и ноги были чернее, чем у её подружек. С металлическим блеском. Остальное: грудь, бока, спина – хотя и были серые, но чистые. Такая чистюля! Она показалась нам противнее всех.

Чуда не произошло. Голубь вновь затих. Его тельце с опущенными крыльями казалось совсем беззащитным.

– Вот она, зачинщица. Всех своих заводит. Они нашего Цыгана дразнили... Любит поиграть, – проговорил Сергей Иванович, показывая на ту ворону, которая приблизилась к

голубю ближе всех.

– Как это? – удивился Алёшка, – дразнили?

– Хитрые. Подпускали его на земле к себе близко. Он бросался, глупый. Они взлетали. И так продолжалось, пока им не надоело. Они улетели, а охрипший Цыган ушёл в конуру ни с чем. Разок я ей кинул твёрдый, как кость, сухарь. Нарочно. Посмотреть, что будет делать?

– И что? – не отводя мокрых глаз от голубя, спрашивает Настя.

– А ничего! Подхватила клювом сухарь, размочила его в луже у колодца и пообедала. А потом каркала, да так звонко. По-моему, надо мной смеялась.

– Ой! – от радости вскрикнула Настя и присела на снег, – победил, победил!

Голубь, особенно резко замахав крыльями, оторвался от ветки и, не планируя, комом упал в снег. Не успели Настя с Алёшкой к нему подбежать, он, подобрав крылья, засеменил ото всех в сторонку. Алёшка догнал его, осторожно взял в руки. У птицы не было ран. И крылья были целы.

– Он замёрз, пошли в дом, – скомандовал Сергей Иванович.

Было спешно решено огромного рыжего кота Дормидонта для безопасности переселить в отапливаемый предбанник. Что мы и сделали с Алешей.

Голубя поместили на кухне.

Сначала он забился под стол. Там прижался к стене и не

глядел ни на кого. Хлебные крошки и молоко словно не замечал.

...Утром мы его не узнали. Он бодро бегал. Хлебные крошки, которые мы набросали на пол, исчезли. Мы радовались.

А в полдень, когда Вера Михайловна, войдя с улицы на кухню, не сразу прикрыла входную дверь, голубь мелкими шажками засеменял к порогу. И не успели мы что-либо сделать, как он оказался в сенях, где дверь обычно открыта. Алёшка метнулся за птицей. Послышалось хлопанье крыльев и чуть позже радостный голос:

– Полетел! Он полетел!

– Что же вы хотели? Это птица! Ей вольный свет нужен, а вы ей кухню уготовили. Всех обхитрил – и ворон, и вас. Опытный, видать! – сделала вывод Вера Михайловна. Мы молчали, вполне согласные с ней. А она скомандовала:

– Идите, несите из бани назад бездельника кота Дормидонта. Пускай молоко, которое от голубя осталось, допивает.

Птичка на ниточке

Жара наступила такая, что кажется, будто вода в реке так устала, что и не течёт совсем.

Всё отдыхает. Всё в ленивом полусне.

А пчёлы трудятся в луговых цветах. И звенят на разные лады их голоса.

Над головой, прикрыв ладонью глаза, видишь странную птицу пустельгу – грозу мышей и насекомых. Она, еле подрагивая крыльями, зависла в воздухе на одном месте.

– Птичка на ниточке висит, глядите! – крикнула Настенька и стала махать руками.

Птичку и впрямь будто кто вывесил в огромном душном помещении напоказ, как механическую игрушку. Она и на голос не реагирует:

– Ниточка оборвётся и птичка разобьётся... Ниточка оборвётся и птичка разобьётся... – кричит Настя.

Птичка повисела-повисела на ниточке на одном месте, потом резко и быстро заскользила вниз к реке и пропала в серебряных бликах над водой. Будто невидимую ниточку кто-то чикнул ножницами.

И остались на высоком берегу только звенящие пчёлы в цветах и мы с Настенькой.

– Зря я крикнула, – говорит Настя, – мы теперь с тобой без птички совсем одинокие. Она нас бросила. И скворцы

улетели, и пустельга оторвалась от ниточки.

– Не горюй, Настя, – успокоил я, – ведь у нас с тобой есть ещё ласточки, которые живут в сельнице у Чураевых.

– И правда, – обрадовалась Настя, – как же я забыла про них, они же совсем «наши».

«Сплю в оркестре»

Короткие июньские ночи украшены своими певцами. Самым первым недалеко от дома в леске, где-то во втором часу ночи, просыпается соловей. Он, видимо, раньше всех чувствует зарождение утренней зари. Ночь-то в июне не больше воробьиного носа.

Часто в это же время вслед за соловьём подаются голоса и жаворонки.

В четвёртом часу начинает греметь вёдрами во дворе бабушка Вера, готовясь доить корову и выгонять её в стадо.

К этому времени уже целый хор голосов: иволга, овсянка, зяблики и все остальные, кто только может подать голос, встречают песней новый летний день.

Я рассказал Алёшке о ночных певцах.

С первого дня ему определили спать в деревянных сенях, в отличие от Насти, которая спит в доме в спальне за лёгонькой занавеской с красивыми полевыми цветочками.

Стены у сеней сделаны из широченных деревянных плах, но они не очень толстые. Потолка у сеней нет – сразу тесовая крыша, поэтому всё, что творится во дворе, все звуки легко долетают в сени.

Но, оказывается, он многого не слышит. Устав за день от множества дел и впечатлений, сразу засыпает.

И даже петуха не слышит.

А сегодня заявил:

– Я сплю в оркестре!

– Как это? – спрашиваю.

– Ну, когда засыпаю, то курочки кому-то жалуются в сарае:

– Ко-ко-ко...

Потом корова пыхтит.

Свинья хрюкнет, а поросята всё повторяют за ней.

Кот любит под крышей лазить. Он обязательно мяукнет, когда я уже почти уснул.

А потом, во сне, что ли, Цыган гавкнет и замолчит: сам не знает, для чего. Цепью дёрнет, как будто проверяет её – цела или нет?

А ещё воробей утром: чик-чирик! Как на скрипке. Воробей самый маленький, а как бы самый главный – прямо под ухом зачирикает – и уж никого не слышно. Воробей – солист?

Рыбачка Настя

На рыбалке часто происходит что-нибудь необычное. Поэтому и интересна она. Сегодня мы ловили окуней на речке.

Хорошо! Только спустился от дома под косогор, и ты на льду. Наконец-то холод превозмог надоевшую оттепель. Воздух сухой. Не стало сырого снега. Легко и свежо дышится. Речка залубенела накрепко.

Особая прелесть быть на природе в солнечный морозный денёк! Выпавший снег отражает небесный свет, оттого все вокруг отдаёт лёгкой искромётной голубизной. В такой день и Насте не сидится дома. Как ни отговаривали её, пошла с нами.

Когда бурили лунки и готовили снасть, пришла Вера Михайловна.

– Вот, принесла палатку для Насти.

Она погрозила с напускной строгостью внучке пальцем:

– А ты, как только почувствуешь, что мёрзнешь, беги домой. Анчутка! Отогреешься – вернёшься. Поняла?

– Да, поняла! Только я не Анчутка, я – Настя...

Полиэтиленовую палатку мы установили быстро. В неё заставили забраться Алёшку и Настю. У них на двоих там одна удочка и одна лунка. Хотя ветра нет, но всё-таки около десяти градусов холода. Под плёнкой теплее.

Вскоре услышали, как Алёшка поймал небольшого окунь-

ка, и Настя стала просить у него удочку. Ей хотелось самой порыбачить. Но Алёшка не уступал удочку и они начали сердито переговариваться. Обоим не терпелось рыбачить самостоятельно.

Мы с Сергеем Ивановичем насадили на крючки маленьких красных червячков-мотылей и у нас пошёл хороший клёв. Уже вытащили больше десятка окунишек.

У Алёшки привязана на леске небольшая жёлтенькая блесна. На блесну у него не клюёт. Было слышно, что он, уступив удочку Насте, поясняет, как рыбачить, и немного нервничает.

И вдруг в палатке началась возня. Загремело ведро, на котором сидел Алёшка. Потом закричала Настя:

– У нас в лунке китёныш!

Она выскочила наружу, оступилась и упала в рыхлый снег.

Сергей Иванович шагнул к палатке и, высоко приподняв её, убрал в сторону.

Алёшка маялся с рыбиной. Мы потом, вспоминая этот момент, подивились его хладнокровию. Если бы он действовал упрямо и резко потянул леску на себя, она бы, верно, порвалась. Голова рыбы была размером почти с лунку и никак с ходу не попадала в неё.

Когда опытный Сергей Иванович всё-таки извлёк добычу и она забилась в пухлом снегу, Алёшка восторженно определил:

– Сом! Мы поймали сома! С мою руку!

В искрящемся снегу лежало ленивое существо с тёмной спиной, большой продолговатой головой и длинным светлым снизу животом.

– Чумазый какой, – отряхиваясь от снега, удивилась Настя. – Китёныш!

– Не чумазый, – поправил Сергей Иванович, – это налим. Он такой. Сейчас сом, карась, карп – в зимней спячке, их не разбудить. Зарылись в ил и недвижимы. А налима холод бодрит – он выходит на охоту. Речная хрюшка.

– Почему? – наклонившись над добычей, спросила Настя.

– Сама говоришь, что он чумазый. И питается чем попало. Лишь бы проглотить. Такого большого я ещё не ловил!

– Мировой рекорд! Да, дедуля? – воскликнула Настя.

– Не мировой, а мировецкий, – поправил по-своему Алёшка.

А Насте интересно своё:

– Деда, а киты, когда спят, зарываются в ил? Им надо целую траншею тогда копать! Они же огромные! У них трактора нет.

– Что это ты всё про китов, Настя? – не удержался я.

Настя горячо пояснила:

– Мне их так хочется увидеть! Такая моя мечта! Дельфины и киты – самые красивые животные в мире!

– А что же ты так закричала и вывалилась из палатки, когда увидела своего китёныша? – рассмеялся дед.

– Я не ожидала такой встречи!

Книги о любви к окружающему миру

Видимо, по контрасту, что ли, но от серьезной литературы для взрослых, где мыслям тесно, Александр Малиновский обратился к литературе для детей. Хотя – что может быть серьезней детской литературы? Его повесть «Под старыми клёнами» (Московское издательство «Российский писатель») и продолжение её «В зимние каникулы», помещённая в третьем томе четырёхтомника избранных произведений, вроде, и незамысловаты на первый взгляд, но это на наш, взрослый взгляд. Я сам видел, с каким интересом слушают дети истории про Настеньку и её друзей. Малиновский в этих повестях не только учит детей добру, показывая, как выходить из тех или иных ситуаций, как вести себя, но и помогает познавать мир, рассказывая о том, чего городские дети нынче и не увидят нигде.

Эти повести раскрыли в писателе ещё одну грань его творчества. И ещё одну грань души. Ведь для того, чтобы писать для детей, помимо особого искусства надо обладать такими свойствами ребёнка, как искренность, любопытство, доверчивость. И если в первых двух качествах автор убедителен всегда, то открыть в нём трогательную чёрточку доверчивости было приятно.

Надо сказать, что «детские» повести (так будем их называть) помогают Малиновскому как автору. Известно, что письмо для детей должно быть исключительно чистым с точки зрения языка и выверенным по мысли. Детская литература не должна быть перегружена метафорами и образами (в первую очередь потому, что сам ребёнок ещё только строит своё мировоззрение), ей присущи больше прозрачность и простодушие.

Работая над «детскими» повестями, Малиновский смог уловить прозрачность стиля столь необходимую детской литературе и перенести её в следующие свои повести: «Сергей Сергеич и Сима» (впервые вышла в свет в Самарском отделении Литературного фонда России под название «Новое имя» в 2007 году) и «Планета любви» (журнал «Русское эхо», № 2 за 2008 год).

В этих маленьких повестях Малиновский смог рассказать о трагизме мира с присущей ребёнку искренностью и доверчивостью. А самое главное о Любви в нашем, казалось бы, уже окончательно погибельном мире. Удивительно добрые и светлые повести. И это несмотря на трагическую концовку в той же «Планете любви». Хотя нет, концовка-то как раз светла и чиста, это сюжет трагичен. Но в том и чудо русской литературы (настоящей русской литературы), что она гораздо шире и глубже просто сюжета. Наверное, большинство из нынешних литераторов так бы и закончили повесть на смерти одного из героев. Что, весьма эффектно и в духе време-

ни. Но Малиновский не гонится за эффектностью, для него важнее эффективность. А она в том, что раздвигаются земные рамки сюжета и мысль и чувства читателя устремляются ввысь, к небу. И если человек, после прочтения произведения, задумался о горнем – значит, цель достигнута. По крайней мере, такая задача всегда была у подлинной русской литературы.

Впрочем у детской литературы всегда была ещё одна задача: помочь ребёнку познать мир. И не только духовно. Ребёнок любопытен, ему хочется многое узнать. И как рассказать ему об окружающем мире, чтобы чтение захватывало – вот задача художника! Мне кажется, именно такую задачу поставил перед собой Александр Станиславович, когда писал повесть «Путешествие трёх смельчаков». Книга вышла в 2010 г. в самарском издательстве «Просветительский центр «Пересвет» и нашла добрый отклик у юных читателей. По большому счёту это книга о любви к окружающему миру. Звери, растения, река – всё, что нас окружает, подаётся автором как единое целое не только между собой, но и с человеком. А.С. Малиновский по ходу повести сообщает массу интереснейшей информации о тех или иных обитателях флоры и фауны, но не это главное, а то чувство общности окружающего мира и человека, которое, уверен, передаётся читателю.

Детские книги автора отмечены всероссийскими премиями по художественной литературе. Среди них: премии имени П.П. Ершова, А.Н Толстого и др.

Новая книга автора «Хромоножка и другие» – ещё одно свидетельство сердечной плодотворной привязанности автора к «братьям нашим меньшим».

Александр Громов,

член Правления Союза писателей России